

Татьяна Краснова

Ирина и Лена

серия «Знакомые лица»

Издательские решения

По лицензии Ridero

2016

УДК 82-3
ББК 84-4
К78

Краснова Татьяна

К78 Ирина и Лена : серия «Знакомые лица». — [б. м.] : Издательские решения, 2016. — 114 с. — ISBN 978-5-4474-7497-3

В поездке по городам Золотого кольца неожиданно встретились две семьи из Белогорска — Голубевы, молодая пара, и Берестовы, мама с сыном-подростком.

Что потянуло их в дорогу? Желание полюбоваться русской стариной — или уехать от проблем?

И что они привезут из путешествия — впечатления, сувениры, новые знакомства? А может, новый взгляд на себя и друг на друга?

**УДК 82-3
ББК 84-4**

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Белогорск — Москва

*В дорогу! в дорогу! Прочь, набежавшая
на чело морщина и строгий сумрак лица!*
Н. В. Гоголь

— ИЗЮМ, орешки, семечки жареные, шоколад молочный, белый, горький, пористый!

Свежий залиvistый голос — как будто и не семь утра — заставил пассажиров вздрогнуть. Все только задремали, до Москвы еще больше часа. А разносчица бодро шагает по вагону, продолжая громко частить:

— Шоколад с орехами, с изюмом, с фундуком, с мюсли, с карамельной начинкой, с шоколадной начинкой, с помадно-сливочной начинкой, с лесными орехами, с рисовыми хлопьями, с семечками, с кукурузными хлопьями!

Подросток лет четырнадцати фыркнул, перестал писать эсэмэску и повернулся к матери, но та спала, прислонившись к окну. Торговка не унималась:

— Шоколад молочный с йогуртом, с печеньем, с хрустящей кукурузой, с печеньем и миндалем, с целым миндалем!

— А с перцем есть? — перебил ее мужской голос, спокойный, ровный, интеллигентный, — но она уже пронеслась в другой вагон.

Парень хрюкнул и снова поднял глаза от мобильного — гурман оказался взрослым дядькой, на вид таким же приличным и воспитанным, как и его голос. А его спутница с волосами цвета баклажана что-то заговорила сердитым шепотом. Ироничный дядька ничего не отвечал и озирался с любопытством, словно ехал в электричке первый раз.

Эти двое были одеты по-дачному, как и почти весь вагон, и баклажан на голове был не таким необычным, как, например, леопард, в которого превратила свою клочковатую прическу еще одна тетка, напротив. Но мальчишка время от времени посматривал на эту парочку: сердитая продолжала забавно сердиться, тыча пальчиком то в какую-то схему, то в часы у дядьки на руке — огромные, со множеством циферблатов и стрелок. А ироничный всё так же не реагировал и с пристрастием изучал бегущую строку с названиями остановок.

Мама встрепенулась и дернула сына за рукав:

— Нам здесь выходить!

Здесь выходила вся электричка, перетекая по платформе в метро.

На красной мраморной облицовке станции отчетливо вырисовывались закрученные в спираль раковины — настоящие доисторические аммониты! И морские лилии, похожие на раскрывшиеся цветы! Но мама, конечно, не дала разглядеть окаменелости как следует — не опоздать бы! — и, немного с ней поспорив, сын шагнул в вагон. Повернулся к задвигающимся дверям — сквозь них, в толпе, мелькнул знакомый баклажан. Сердитая опять отчитывала спутника, потрясая схемой, а ироничный смотрел вверх голов на указатель с пересадками. Вагон двинулся, окаменелости побежали следом и быстро превратились в тоннель.

Москва – Сергиев Посад

*Путешествия обнаруживают не столько
любопытство наше по отношению
к тому, что мы собираемся смотреть,
сколько усталость от того, что
покидаем.*

Альфонс Карр

ОНИ прибежали к автобусу последними. И всё из-за того, что совершенно разучились ездить на метро!

Ирина изо всех сил скрывала раздражение: муж как всегда оказался прав, предлагая взять такси если не от дома, то хотя бы от вокзала, но поступили они, как обычно — по ее настоянию. Но правда глупо лезть в такси из-за двух остановок, и практически без багажа, и еще когда времени целый час в запасе. И потом, студенческие годы оба провели в столице и ездили тогда исключительно в метро.

Последние несколько лет в этом не было необходимости, но тем не менее они не деградировали — пересадку сделали правильно, вот только спать не надо было. А то упали на сиденье — и заснули. И какой же был перепуг, когда вдруг прозвучало: «Конечная. Поезд дальше не пойдет, просьба освободить вагоны». Какая конечная, когда нужны «Красные ворота»?! Тут и выяснилось, что они к тому же ехали в противоположную сторону.

— Сели бы правильно — еще дольше бы спали, катались бы по всему кольцу, — мрачновато пошутил Роман — но смешно не было.

Начало отдыха скомкалось, словно подтверждая, что задуман он неудачно, как повторял еще дома тот же Роман — и именно это выводило Ирину из себя, а не само «приключение».

Ведь уехать нужно было не столько для того, чтобы отдохнуть или насладиться стариной — она хотела избавиться как раз от этого раздражения, которое в последнее время вползало в каждый их разговор, в заурядное обсуждение повседневных дел, даже в простое приветствие при возвращении домой с работы.

* * *

И ЭТО притом, что Голубевы заранее позаботились, чтобы их семейной жизни ничего не угрожало и ничего не раздражало. Они сразу объявили родителям, что собираются жить отдельно, хотя обе стороны надулись. И у тех, и у других были большие просторные квартиры. И те, и другие считали, что снимать жилье — это кидать на ветер деньги, которые лучше копить на покупку собственного, — и в этом, разумеется, был резон.

Но Роман и Ирина решили, что покой стоит того, чтобы заплатить за него пусть немалую цену. Никаких упреков из-за не туда поставленной чашки. Никаких претензий по поводу шумных вечеринок и засидевшихся гостей. Никаких вопросов насчет Ириных собак или Роминых схем и книжек, разложенных на всех столах и подоконниках. Никаких поучений, взаимных обид, анекдотических или трагедийных сцен с тещами и свекровьями. Наконец, никаких очередей в туалет в трусах и ночных рубашках.

К тому же с жильем повезло: знакомый недорого сдал им свой дом в Сосновом Бору, пригороде Белогорска, один из тех типовых коттеджей, которые построили для сотрудников НИИ, где Роман начинал работать. А потом и вовсе предложил продать в рассрочку, так что они почти сразу привыкли считать домик своим. В этом году Голубевы уже собирались полностью его выкупить: научное предприятие, которое отпочковалось от института и в котором работал Роман, один за другим получало хорошие заказы.

Жизнь шла в гору, и никто и ничто не мешало им жить, как они хотят.

Кроме вот этого непонятного, беспричинного недовольства друг другом, которое неожиданно начало появляться само по себе. Ирина, анализируя потом их вспышки, словно распутывала безобразный клубок и с трудом доискивалась до начала — и начало всякий раз оказывалось таким смехотворным — или его вовсе не было, пустое место.

Последняя, «мусорная» сцена у ворот ее просто напугала.

Пронесшийся ураган наломал веток, сорвал ветхие кровли и разноцветные флажки, развешанные повсюду к Дню города, собрал по улицам мусор, и весь его, казалось, высыпал к забору Голубевых. Они подъехали с работы одновременно, Роман — на серебристой «Хонде», Ирина — на желтом «Пежо».

— Прямо Новый год какой-то, — подивился Роман, разглядывая гирлянду немного помятых, но радостных флажков, картинно повисших на воротах, и кучу всякой дребедени под ними. — Помойка с доставкой на дом.

— Мело, мело по всей земле, во все пределы, — прокомментировала Ирина.

— Ну, а вот это всё, перед тем, как намело, кто-то должен был накидать. — Роман, открывая ворота, провез ими гору бумажных стаканчиков, фантиков, оберток от мороженого. — Что за люди! Кто мне скажет, когда они перестанут свинничать и везде сыпать мусор?

— Я скажу, — неожиданно ответила Ирина, сдвинув брови. — Когда к людям перестанут относиться, как к мусору!

С тех пор как она взялась за издание рекламной газеты, и особенно с тех пор как в «Белогорских вестях» стали появляться городские новости, к ней не зарастала народная тропа. Граждане шли в газету, чтобы найти правду, после того как уже пообивали пороги всех парадных подъездов и получили от ворот поворот у разных чиновников. Ирина, совсем к этому не готовая, растерянно выслушива-

ла истории о потолке в квартире последнего этажа, текущем много лет, о помойке, которую не вывозят неделями, о подъезде с разбитыми окнами и выломанными дверями.

В грамотно составленный бизнес-план ее коммерческого издания это не входило — но бросить на произвол судьбы беспомощных людей, наивно верящих во всемогущество прессы, было невозможно. Поначалу Ирина пыталась лично хлопотать, но быстро поняла, что газета должна помогать по-газетному. И в «Вестях» начали появляться фоторепортажи с тазиками, в которые капает вода с потолка, с «живописными» подъездами — и действовало это на разные инстанции очень быстро. Но и ходяков потом прибавлялось.

У Иры Голубевой, выросшей в благополучной семье, в благополучном доме, за этот год буквально раскрылись глаза: в каких жутких условиях могут обитать живые люди в двадцать первом веке, под боком у сытой столицы, и как беспомощен бывает человек, пытаясь добиться чего-то элементарного.

В тот день к ней пришли с рассказом о том, как крысы прогрызли стену, смежную с мусоросборником, и одна за другой пролезли в квартиру, и продолжали лезть, словно в фильме ужасов, даже сквозь свежие цементные заплатки, наляпанные перепуганными жильцами. Серые крысы величиной с кошку! Шесть штук, одна за другой. Двое стариков неделю призывали на помощь свое ЖЭУ, а оно все силы тратило, чтобы от них отвязаться!

Наверное, под впечатлением от жуткой крысиной истории она ответила Роману так резко, словно это он был виноват во всех людских несчастьях. Он, ни в чем не нуждающийся, благополучный и успешный, видящий только себе подобных из своего научного мирка, не смеет с пренебрежением и свысока говорить обо всех остальных! Не смеет называть свиньями всех, кто не входит в его круг!

Что самое ужасное, Роман всё так и понял. Он вообще сразу всё понимал и только удивился:

— Так это я — воплощение мирового зла?

Ирина, убитая, потом себя добивала: а она не из того же круга? Не из того же теста? Рафинированная музыкантша, жизнь которой проходила среди роялей и фортепьян! С какой стати она выпалила свои обвинения, да еще так пафосно? Как будто прохожие и в самом деле не свинячат и не бросают себе под ноги окурки и прочую дрянь. Да она же сама завела целую фоторубрику о стихийных свалках — «Мусорный ветер», которая каждый номер пополняется новыми «пейзажами»! И, в конце концов, это общее место — поругать грязь на улице, что такого Ромка сказал-то?!

* * *

СЛОВОМ, это был кошмар, от которого надо как-то избавляться. И если в каких-нибудь семьях кошмар — это скандал с битьем посуды, то для Голубевых достаточно было такой вот сцены у ворот, чтобы оба потом по-настоящему мучились и думали, что делать.

Действительно, что, изводилась Ирина. А может, это не случайно, может, это кризис семейной жизни, которой как раз пять лет — самый кризисный срок? И всё тем серьезнее, чем нелепее поводы для ссор? Ну, зажарила она тогда курицу на ужин, что для нее — подвиг, ну, рассказала Роману о крысах, он понял. А дальше? Заранее кур припасать, и побольше?

О выходах из кризиса она читала, варианты предлагались разные: сходить к психологу, провести отпуск врозь, чтобы соскучиться, провести его, наоборот, вместе, но как-нибудь необычно. Ирине больше нравился последний вариант. Но отпуска нет! Отпуск не грозит ни ей, ни Роману, по крайней мере до осени. Оба — руководители, не могут же они, как дети, вдруг бросить дела из-за своих прихотей. А что-то делать надо срочно, осени ждать нельзя.

И Ирина придумала эту поездку по Золотому кольцу.

Всего четыре дня. Два из них — выходные, дела не пострадают. Она и он, и никого больше, даже автомобиля — за рулем не отдохнешь. Обычная, демократичная автобусная экскурсия. Никакой пошлой заграницы — своя, русская старина. Сергиев Посад, Владимир, Суздаль — ведь прелесть! Они полностью сменят обстановку, расслабятся, переключатся. Главное, ни одного знакомого лица! Ирина, выбирая тур, специально съездила в Москву, в турфирму, о которой в Белогорске слухом не слыхивали.

Правда, муж был не очень доволен, называя предстоящую поездку «очередным чудачеством», «лжеэкзотикой» и «студенческой выходкой» — но в пять утра проснулся и в общественный транспорт полез.

* * *

В СВОЙ туристический автобус, лимонный, с зеленой и оранжевой полосами, который, еще немного — и уехал бы без них, Голубевы садились последними.

— Покатим со всеми удобствами, — заключил Роман, увидев единственные свободные места в самом конце салона.

Он думает, что это сказано с иронией! Да ничего автобус — приличный, комфортабельный, сиденья мягкие, чехлы чистые, кондиционеры дуют. Может, не очень будет трясти? Осматриваясь, Ирина столкнулась взглядом с сидящей впереди женщиной. Та неуверенно кивнула.

Ирина опешила. Приехали! И это называется — ни одного знакомого лица! Правда, лицо было едва знакомым, но запоминающимся — яркие голубые глаза, красивые волнистые волосы, темные, почти черные, собранные в хвостик. Миловидная женщина лет тридцати. А вот имя всплывало с трудом. Кажется, Елена Берестова, ландшафтный дизайнер. Она им помогала сад в порядок приводить, несколько лет назад, когда они решили выкупать дом и начали по-хозяйски обихаживать территорию. И мальчик-подросток вместе с ней. Видимо, сын — лицо такое же.

Вот досада! Так хотелось видеть вокруг себя только нейтральную толпу — хотя бы четыре дня!

Может, проницательный Ромочка прав — она зря всё это придумала?

Сергиев Посад

*Заметив, что дорога мне как будто
полезна, мать ездила со мной
беспреданно...
С. Т. Аксаков*

— МАМ, мы что, стоять, что ли, здесь будем?!

Ник с ужасом смотрел на неподвижную многослойную очередь, протянувшуюся через всю площадь. И по маминому лицу понял: будем. Ей непременно хочется набрать святой воды. Ну зачем?! Богомольностью она не отличается, шипучка у него еще осталась, он всегда готов поделиться.

— А ты погуляй по лавре, осмотришь, — посоветовала Лена, — тебе ведь не обязательно стоять и страдать.

— А вдруг ты уже уйдешь, когда я вернусь?

— Да нет, здесь на час, не меньше.

Ник облазил за полчаса весь монастырь, заглянул во все сувенирные магазинчики, посмотрел на все соборы, задержался у небольшой церковки, разглядывая приставную деревянную лестницу, которая вела наверх, к колоколам. Написал еще одну эсмэску подружке Марине, получил ответ.¹ Колокола зазвонили один за другим во всех храмах — может, маму пора уже забирать? Да ее нет в очереди! Но, быстро охватив взглядом внушительный хвост, увидел голубой воздушный шарф — вот же она! — и почти там, где

¹ О Марине и Нике рассказывается в романе «Марина».

и была.

— Ты рано пришел.

— Это ты долго стоишь.

Конечно, раз еще есть время, хорошо бы пойти побродить по самому Сергиеву Посаду. В старинных городках Ника обычно привлекали улочки с древними одноэтажными и двухэтажными домишками, слепившимися друг с другом, вросшими в землю по самые окошки — экскурсоводы говорят, что каждые сто лет нарастает один метр культурного слоя, и здания постепенно уходят в него. Интересно, как они смотрелись новенькими — наверное, заметно выше. Улочки эти так непохожи на их Белогорск, где или город с многоэтажными микрорайонами, или уж деревня с избушками. Но мама может сделать испуганное лицо и сказать, что сейчас начнется экскурсия, ради которой они приехали, и что он уже никуда не успеет. А сама теряет время в этом хвосте!

Вдруг Ника озарило:

— Мам, а я сейчас видел этих, из нашего города! Они в начале очереди, в самых дверях — может, к ним подойти? Быстрее получится. Ну, те двое, еще в электричке с нами ехали, на автобус опоздали...

— Неудобно. Муж и жена молодые?

В последнем сын усомнился. То, что молодым Николаю считал себя, а все, кто старше, были старыми — понятно. Но его наблюдательность в который раз удивила Лену.

— А они разве муж и жена? У него кольцо есть, а у нее — нет, только на левой руке, и не обручальное. И потом, она его пилила всю дорогу, а он молчал. Муж бы ответил.

Лена даже растерялась. Она тоже не без глаз, но на кольца не посмотрела. Заметила только, как элегантно, хоть и по-дорожному, одета женщина, и как ей идет фиолетовый цвет волос и короткая рваная стрижка — совсем молодо выглядит, лет на двадцать. А раньше она была рыжей и длинноволосой — пять лет назад, когда приглашала Лену посмотреть их сад. Ну, не сад, а так — участо-

чек перед коттеджем. Ее Берестовский питомник как раз входил в моду, тогда она еще сама выезжала к заказчикам и многое делала своими руками...

— Да нет же, конечно, они муж с женой. Я у них работала. Голубевы, кажется. Знаешь, бесплатную газету с рекламой в ящики кладут — это она выпускает. А он — тоже помню, руководитель одной из фирм в научном институте. Они, кажется, делают электронное оборудование для поездов и электричек. Раньше вагоны в Прибалтике выпускали, а теперь, когда связи порвались, пришлось самим налаживать производство, вот наши и заняли эту нишу...

— То-то он на электричку пялился, как на новые ворота, — фыркнул Ник. — Что ж они, если богатые и знаменитые, не в Турции или на Мальдивах? Да еще и на автобусе? Так мы к ним подойдем или так и будем тут сто лет торчать?

— Нет, все-таки неудобно, — ответила Лена сначала на последний вопрос. — Мне показалось, они не особо хотят общаться. Скорее даже, совсем не хотят. — А потом на оба первых: — Ну, и мы тоже на автобусе.

— Так это мы, — резонно заметил Ник.

* * *

БЕРЕСТОВЫ любили путешествовать и при любой возможности куда-нибудь вырывались. Хотя бы ближайшее Подмосковье ведь надо объехать, не говоря о Москве — столько интересного прямо под носом! Жаль только, возможности выпадали не часто. С тех пор как Ленина фирма по озеленению и ландшафтным работам прочно встала на ноги, деньги были — не было времени. Лето при ее профессии — горячий сезон. Полноценный отпуск невозможен. А у Ника каникулы пропадают! Хорошо, удалось вырваться хоть на эти несколько дней. О Золотом кольце они давно мечтали. Пусть не полностью за один раз объехать, можно и по кусочкам — так даже лучше, города и впечатления не перепутаются в голове.

Берестовы давно определились — с группой ездить надежнее. Своим ходом тоже пробовали и решили, что не стоит тратить лишние деньги и, главное, время и нервы на поиски ночлега, нормальной еды и очереди в музеи. Заплатил вперед, погрузил себя в автобус — и отключился от всего, кроме собственных впечатлений. И экскурсоводы обычно попадались увлеченные, знающие — даже в пути время не терялось, удавалось узнать массу интересного. Иной раз и вздремнул бы — но поневоле слушаешь.

К тому же в дороге совершенно забывалось о мелочах, таких значимых и так отравляющих жизнь в четырех стенах. Кто за собой посуду не помыл, да кто забрызгал зеркало зубной пастой, да кто грязные носки кидает под кровать... Быт сворачивался до минимума — дорожной сумки, и оба одинаково становились путешественниками и искателями приключений. А с каким удовольствием вспоминались потом зимой подробности летних поездок!

Николай стремительно взрослел, и Лена не без грустинки ждала, что скоро он, как и положено, начнет от нее отдаляться, чтобы выстроить свое самостоятельное мужское «я» — и старалась сберечь эту их связующую ниточку, их ветер странствий.

А то, что мама чересчур долго торчит в музеях или в очередях за какой-нибудь святой водой, а сыник на каждом углу просит купить ему газировку — это пустяки.

* * *

— НУ, ПОТЕРПИ пять минут, сейчас обед — там и поьем, и поедим. Вон уже, наверное, этот «Трактир» — мы правильно идем, как объясняли?

— Может, и он — но я до него не дойду. — Ник демонстративно уселся на обочину. — Я хочу газировки! А на обеде еще не знаю чего дадут. Может, чай горячий.

— Ты только что пил квас и фанту, по полтора литра. Больше нельзя, лопнешь.

— Тогда не фанту купим, а колу. Жарко же! И ларек ближе, чем «Трактир».

— Вставай, — терпеливо повторила Лена. — А то вон нищие на тебя смотрят. Подумают, что конкуренция, милостыню собрался просить.

— А колы все-таки купим. Маленькую бутылочку, — засмеялся сын и помчался к киоску.

Очереди в киоске не было, однако воду удалось купить не сразу: пожилая женщина, стоящая перед Берестовыми, никак не отходила от прилавка.

— У меня больше нет, возьмите назад что-нибудь, — повторяла она, а продавщица раздраженно твердила свое:

— Женщина, я уже чек пробил! Раньше надо было считать.

И диалог продолжался, только в те же слова вкладывалось всё больше злости и отчаяния. При чем злилась продавщица, а покупательница отчаянно, но неубедительно трясла перед ней пустым кошельком. Ей не хватало десяти рублей. Лена хотела было попросить свою колу без сдачи, потом внимательно посмотрела на женщину — и достала еще десятку.

— Вот нахалка, и спасибо не сказала, — прокомментировала продавщица, провожая почти убегающую покупательницу.

А Лена заметила позади себя Голубевых и сказала, словно оправдываясь:

— Я милостыню почему-то совсем не могу подавать, мне кажется, что нищие — актеры. А тут человек по-настоящему нуждался...

— Потому она и не сказала ничего, от смущения, — ответила Ирина сдержанно-строгим голосом, явно предназначенным продавщице.

— А я один раз, давно еще, копил на журнал «Молоток», и мне не хватило две копейки, — начал Ник. — И мне тоже одна женщина у киоска добавила!

— Пойдем, Николай, — заторопила мать. Нечего испы-

тывать терпение необщительных земляков.

Но Ирина возмутилась:

— Тебе из-за двух копеек не давали журнал?!

— Не давали. И еще тетка в киоске злилась, что у меня тридцать рублей совсем мелкой мелочью.

— Что же продавцам — всё даром отдавать, что ли? — вскинулась продавщица, не выдержав сурового взгляда Ирины. — Мы что ли, своим товаром торгуем? — хотя с ней никто не разговаривал.

Елена увела сына, неожиданно огорченная. Да, у них было несколько очень тяжелых лет, когда приходилось жить по-спартански, а на какие-нибудь ничтожные радости долго копить «совсем мелкой мелочью» — но посторонним об этом знать необязательно. Она и сама терпеть не может об этом вспоминать. Наверное, потому и тяжело видеть попрошаек — сама когда-то была близка к этому.

И надо было Нику вспомнить этот журнал!

* * *

*Покамест ему подавались разные обычные
в трактирах блюда...*

Н. В. Гоголь

ТУРИСТЫ с аппетитом закусывали в «Трактире» — столовке, оформленной под старину: деревянные стены, тряпичный петрушка на печке, связка баранок на гвоздике, полотенца с петухами. Руководительница группы встретила своих у дверей и рассаживала за столики, двух-, трех- и четырехместные, с учетом пожеланий. Но когда появились Берестовы и Голубевы, выбора не осталось:

— Вот, пожалуйста, столик на четверых.

Пришлось вежливо уткнуться в дымящиеся горшочки с похлебкой, стараясь друг другу не мешать. Салат и первое были съедены совершенно молча. Но когда официанты

замелькали с жареными курами на подносах, раздался возглас:

— Шары летят! — и все головы повернулись к окошкам.

Большие воздушные шары летели низко, медленно, словно напоказ. Красный и синий, один за другим. Все сразу начали обсуждать траекторию их полета, и не собираются ли они сесть, и что будет, если это произойдет посреди города, а вдруг они зацепятся за колокольню? Больше всех оживились Ник и Роман, оба побросали вилки и порывались подбежать к другому окну, где лучше было видно, — а женщины их урезонивали.

Тем временем заработали газовые горелки, и шары начали набирать высоту. Лена ужаснулась — не опасно ли открытое пламя экипажу, и Роман принялся увлеченно объяснять устройство тепловых аэростатов. По его словам выходило, что лететь в километре от земли со скоростью ветра — сплошное удовольствие и никакого риска, даже если вдруг начнешь вот так стремительно снижаться. Вверху можно потрогать облака, внизу — сорвать шишку с макушки ели — везде просто чудесно.

— А как лицо обгорело, забыл? — напомнила Ирина.

На международную встречу воздухоплатателей в Великие Луки ее привезли приятели, а закопченный у горелки Роман спустился на землю и подарил ей ту самую шишку с макушки. Она влюбилась в небесного кочегара — и не поверила глазам, увидев потом Ромочку отутюженного — такого, какого видят все, от соседей до подчиненных.

Ник тоже не сразу понял, что эта флегма могла летать — зато потом не сводил с Романа загоревшихся глаз и уже к концу обеда знал, что воздухоплавание включено в реестр официальных видов спорта, что их новый знакомый несколько раз участвовал в чемпионате России, что двадцать первого ноября отмечается День Монгольфье, когда поется специальный гимн — и множество других воздухоплавательных сведений.

Вопросы, которые сразу посыпались из Ника, следовало облечь в вежливую форму — и земляки после небольшой паузы запоздало назвали свои имена, упомянув, что взрослые уже знакомы. А Роман сразу предупредил, со своей юмористической искрой в глазах, что называть его следует — Роман, без всяких отчеств, приставку же «дядя» он вообще терпеть не может.

— А я терпеть не могу никаких «тётъ», — добавила Ирина, — я, стало быть, — Ирина. Сколько же я страдала вместе с моими учениками в музыкальной школе, когда они ломали язык: Ирина Владимировна...

Николаю не могло не польстить такое общение, практически на равных, с человеком, который вполне мог бы задрать нос и не опускать его до конца поездки — что вроде бы сначала и намечалось. Он всё больше попадал под обаяние Романа, внешне такого холодно-отстраненного, и незаметно переставал исследовать его своим обычным придиричивым взглядом. И на маму, видимо, Голубев произвел впечатление — хотя сначала Лене невольно вспомнились такие персонажи, как Незнайка, летящий на воздушном шаре из сока одуванчика, и Филеас Фогг, спешащий вокруг света.

— Какой необычный вид спорта вы выбрали, — заметила она.

— Это не из-за экзотики, — отвечал Роман — и обоим Берестовым показалось симпатичным, что он не отшутился, не отделался отговоркой, а начал обстоятельно объяснять: — Я спортом никогда особенно не увлекался. Традиционные виды — бег, прыжки — всегда, знаете, казались какими-то вымученными, отмирающими. Ведь есть же предел человеческих возможностей. Счет идет уже на миллиметры, на сотые доли секунды — но и они когда-то будут исчерпаны. Делать из себя механизм для выжимания сотых долей? А красота? А свобода? И я долго искал спорт для души.

— Спорт — для души? — с недоумением повторил

Ник — эти понятия казались ему несовместимыми.

— Конечно, — серьезно подтвердил Роман. — Любое занятие, которому я отдаю часть себя, должно и мне что-то давать. От спорта мне было нужно чувство преодоления и свободы.

— Николай всегда любил гонять в футбол, — пояснила Лена.

— Ну, футбол еще не скоро отомрет, — успокоил Роман, — он практически вечен.

— Смотрите, еще летят! Какие красавцы!

Теперь появились необычные шары: в виде колокола, потом в виде коровы — этот вызвал всеобщее веселье и шуточки. Но Роман восхитился другим шаром, в форме дирижабля.

— Дирижабли, по его мнению, — транспорт будущего, — пояснила Ирина.

Нику же эти неповоротливые туши всегда казались допотопными — но Роман, уловив во взгляде нового знакомого сомнение, мигом его развеял, разложив по полочкам: дирижабли выгоднее самолетов по расходу горючего, экологичнее, безопаснее, могут поднять целый железнодорожный состав, и взрывчатый водородом их давно уже не наполняют, а в МАИ для обшивки придумали материал, который совершенно не горит. «Мечтает о дирижаблях, а возится с электричками», — всё же отметил Ник критической стороной сознания — но вслух не сказал, потому что уже полностью был покорен Романом и автоматически зачислил себя в фанаты дирижаблестроения.

Разговор выходил такой непринужденный, что Лена с облегчением поняла: земляки — нормальные. И, как дома, переложила сыну на тарелку куриную кожу, справившись:

— Ничего? А то я кожу не ем, а Николай любит...

— Да-да, конечно, — обрадовалась Ирина, тут же перекладывая кожу со своей тарелки Роману. — И я ее не ем.

Когда они выходили из «Трактира», официант оклик-

нул:

— Вы забыли! — и протянул книжку.

— Это не наше, — одновременно ответили Берестовы и Голубевы, повертев в руках «Энциклопедию мудрости» — сборник афоризмов. Книжка была новая, толстая, в хорошем твердом переплете.

— Ваша, — настаивал официант. — Лежала на вашем столике.

— Может, из нашей группы кто-то оставил? — усомнилась Лена. — Давайте спросим в автобусе.

Сергиев Посад — Владимир

*Наша жизнь — путешествие, идея —
путеводитель. Нет путеводителя, и всё
остановилось. Цель утрачена, и сил как
не бывало.*

В. Гюго

НО ХОЗЯИН не откликнулся, а автобус уже ехал. Ночевать им предстояло во Владимире. Сергиев Посад остался позади.

— Как же теперь? — смутилась Лена. — Увезли чужую книжку. Наверняка ее кто-то потерял, не могли же просто бросить. Это не журнал, не газета, не покет. Довольно дорогая книга.

— А может, она не чужая, — откликнулся Ник. — Может, это буккроссинг?

Роман вопросительно поднял бровь, Ирина объяснила:

— Движение такое — оставляют книжки в общественных местах, в транспорте, чтобы их как можно больше народу прочитало. Но это в основном за границей. Неужели и до нас добралось? Но тогда где-то должна быть специ-

альная отметка, типа «прочти и передай другому».

— Нет такой отметки, — обследовав книгу, сказал Ник. — Но тут, похоже, несколько страниц вылетело.

А Роман сморщился с видом истинного чистоплюя:

— У нас — это ерунда. Наши общественные места, наш транспорт! Да нормальные люди просто побрезгуют подбирать. Я бы ни за что не взял в руки, даже если что-то интересное.

— Взял уже, — отозвалась Ирина. — Хотя для буккроссинга странновато — справочная литература...

— Есть! Есть надписи! — воскликнул Ник, показывая на последнюю страничку. — Только непонятное что-то.

Полстраницы было испещрено какими-то значками. Все по очереди попытались их разобрать, но не смогли.

— Шпионская переписка, — заключил Роман полушутя-полусерьезно. — Надо избавляться. Во Владимире мы где-нибудь ее оставим — а пока кто хочет, можете почитать. Развеемся.

— Развеемся — с энциклопедией? — воззрилась на него Ирина. — Я поинтереснее чтение взяла. А сейчас лучше музыку послушаю. — И достала из сумочки плеер.

— А я в пути люблю смотреть в окно, — отказалась и Лена.

— Я возьму, — Ник пожалел книжку. — Смотрите, тут есть раздел «Путешествия» — это про нас. — И прочел: — *«В чужой стране путешественник — мешок с деньгами, который все норвят поскорее опорожнить. Виктор Мари Гюго»*. Это он про сувениры?

— И про них, — подтвердил Роман. — Что ж, мы в своей стране.

— А чья идея? — незамедлительно откликнулась его жена.

Ник озвучил еще:

— *«Доверяйте жизни. Куда бы ни забросила вас судьба, путешествие необходимо. Вам предстоит пересечь поле жизненного опыта и самим проверить, где истина, а где*

ложь. И тогда вы сможете вернуться к своему внутреннему центру — душе, очистившейся и помудревшей. Луиза Хей». А это кто?

— Читал бы книжки полезных советов, как жить умно и правильно — не задавал бы вопросов, — отозвалась мать.

— Еще чего. Ты сама их не читаешь, — парировал сын. — Только свои дизайнерские журналы бесконечные.

— Зато мои сотрудницы читают взахлеб, — сослалась Лена на надежный источник.

Ирина в наушниках, отключившись от разговора, прикрыла глаза.

— И вы музыку слушаете? — Ник понизил голос и посмотрел на еще один плеер, высунувшийся из кармана Романовой ветровки.

Воздухоплаватель, руководитель научного предприятия смутился. Потом объяснил, косясь на Елену:

— Всю жизнь оправдываюсь. Жена — музыкантша. А я музыку, конечно, люблю, но если слушаю — она потом всю ночь может в голове звучать, даже сквозь сон — не отпускает. Так почему-то действует. А утром на работу, там нужна свежая голова. Так что я стараюсь особенно не увлекаться. А слушаю — книжки, в основном беллетристику. Читать некогда, вот Ира и придумала... Она-то все эти «Дозоры» давным-давно прочла, а я «Дневной» никак не добью. А есть еще куча каких-то, и скоро, говорят, еще один выйдет — просто не угнаться.

— Класс! Аудиокнига! — восхитился Ник. У нового знакомого всё было на особицу, даже чтение. — А мне мама вслух читает.

Теперь начала оправдываться Лена — многие знакомые, узнав, что она по вечерам читает сыну, начинали хохотать: «Такой взрослый парень! Самому пора!»

— Да, у нас аудиокнига — это я. Мы любим почитать что-нибудь вместе, когда по телевизору нечего смотреть. Конечно, Николай и сам читает — то, что хочет, но ведь еще столько всего, и по программе, и вообще. А для меня какое

удовольствие! Я Гоголя вместе с ним перечитала, Тургенева, «Войну и мир». Знаете, совсем иначе воспринимается! Эти книги обычно попадают к нам в школьном возрасте, а ведь писались они для взрослых людей. А еще наше любимое, нашего поколения — «Два капитана», «Три мушкетера», Жюль Верн — современные дети их не воспринимают почему-то. А так хочется, чтобы сын любил то же, что и я, чтобы у нас была общая сигнальная система, что ли. И вот мы попробовали вместе почитать — ему понравилось!

— Ничего себе, — подтвердил Ник.

— Всё правильно, — решительно согласилась Ирина — оказалось, она их внимательно слушала. — Вы молодец. Чем вечно ныть, что дети не читают, взрослые лучше хоть одну книжку открыли бы и прочитали с ними вместе! А бегать с призывами и с палкой бесполезно. Я в музыкальной школе начинала работать и сразу поняла, что бессмысленно вколачивать любовь — хоть к литературе, хоть к музыке. Когда увидела, что больше половины учеников пришли из-под палки — родители что-то хотят, а они ничего — растерялась: мне-то что делать? Дети терпят, страдают, и еще я буду экзекутором, а музыка — способом экзекуции? Ведь это же музыка, она не для этого! Не смогла, ушла, а в промежутке старалась только, чтобы дети больше слушали хороших вещей — те, у кого искра в глазах, кому хотелось слушать. Сама играла, записи приносила... Если бы на уроках литературы вместо нудных разборов просто вслух читали саму литературу — намного больше пользы было бы!

— Ир, а тебя любили твои дети, мне кажется, — сдержанно заметил Роман. — Некоторые до сих пор здороваются.

— Да я их просто не мучила — ученики всегда это помнят, — отмахнулась Ирина и снова надела наушники.

Лене была приятна ее похвала — настоящая, не комплимент из вежливости. Ирина Голубева еще по той

единственной встрече запомнилась своей прямолинейностью. На Ленин вопрос, каким бы хозяева хотели видеть свой садик, ответила: «Чтобы он требовал как можно меньше ухода. Я не люблю возиться в земле». Обычно заказчики пытались тому же самому придать обтекаемо-вежливую форму, заверяя, что очень любят потрудиться на свежем воздухе, да вот совсем нет времени, на работе так загружены — в то время как Лене важно было четко знать, что именно выбрать для посадки, не пойдет ли завтра же прахом ее труд, когда роскошные клумбы умрут без элементарного полива.

Ник углубился в мудрость веков, но скоро отвлекся и, провожая взглядом машины, обгоняющие их автобус, вполголоса начал читать на номерах:

— МУ. УМ.

— АМ, — подключился сзади Роман.

— УХ.

— КХ.

— ХМ.

— ХР.

Это был серьезный диалог, смех дрожал в голосе, но не прорывался. Развлечение невольно пресекла Ирина, взглянув на мужа — он сразу замолчал, привычно напустив на лицо отстраненно-ироническое выражение.

* * *

И СРАЗУ в ушах зажурчал ручеек путевой информации. Некоторые туристы, вроде Лены, даже записывали что-то в блокнот, кто-то слушал вполуха, предпочитая собственную болтовню, а кто-то крепко спал, утомившись после экскурсий по лавре. Роман по инерции смотрел в окно. Под вечер дороги загружены, то и дело возникают пробки, и остается только с досадой наблюдать, как юркие легковушки одна за другой обгоняют их неповоротливый автобус.

Ну почему нельзя было дождаться, пока отремонтиру-

ют его машину? Поехали бы по-человечески, если уж Ире так понадобилась эта старина, сами бы выбирали маршрут, импровизировали, делали остановки, где пожелают. Нет — изволь теперь ходить строем, ориентируясь на чей-нибудь зеленый зонтик или красные штаны, чтобы не отбиться от группы! Терпи рядом с собой сорок человек и несмолкаемый голос экскурсовода! Все это дурость, по большому счету. Можно было выбрать хотя бы теплоход, что ли — комфорт, шезлонги на палубе, лениво проплывающие берега... Но он же решил относиться к этой поездке стоически и терпеливо, как к любой Ирочкиной выдумке!

Когда он увидел ее первый раз, то сразу понял, что смотрит в глаза своей судьбы — такие серьезные, требовательные. Потому, должно быть, и смешался, и плохо сообщал, и вручил глупую шишку — то есть всего себя и всё, что у него в тот момент было — но она это так и поняла. И продолжала смущать своей пронизательностью, и еще тем, что всегда оказывалась на высоте. Ее привезли с собой знакомые из Белогорска, и о чем бы они тогда в компании ни заговорили, о новой книжке — Ира ее уже прочитала, о новом фильме — она его уже видела. Причем это не действовало на нервы, а обезоруживало, заставляя внутренне собраться и построить планы — быстренько догнать — но она опять обгоняла, и Роман постоянно ощущал себя спешащим — главное, чтобы она не убежала совсем, чтобы ее не увезли так же неожиданно, как привезли.

Ведь она не играла в эти догонялки — Ира никогда ничего не делала напоказ, ее темп жизни был для нее естественным, и этот темп должны были поддерживать новые впечатления, идеи, встречи. Если волосы у нее зеленые, а ногти — синие, то это не для публики — ей самой нужны радикальные перемены. Если она появляется на грязной, еще не замощенной Научной улице в резиновых сапожках, расписанных цветами и птицами, в то время как соседки, жены его коллег, упорно тонут в глине в своих туфельках,

лишь бы не поступиться интеллигентностью — это опять же не в пику им, просто ее привлек новый писк моды.

Роман привык к тому, что, где бы они ни появлялись, его жена притягивала всеобщее внимание — и потихоньку этим гордился. Ира всегда выглядела экстравагантно, но никогда — вульгарно, и смелые наряды, которые на других смотрелись бы вызывающе, умела носить убедительно, утвердительно, с достоинством. И прочие дамы, предварительно с сарказмом обсудив ее новшества, вскоре появлялись с сумочками и прическами, подозрительно перекликающимися с авангардным стилем соседки.

— Для вдохновения, — поясняла Ирина, приходя домой с рыжими кудрями, — а то я уже сама себе надоела.

И Роман спохватывался, как бы и он вдруг ей не надоел — притом, что самооценка у него была довольно высокой: жизнь складывалась, старые друзья не забывали, новые уважали за удачливость, за скорый карьерный рост. В глубине души Роман считал, что он хорош на своем месте — но по сравнению с Ирой, в сущности, заурядный человек, а такую жену просто выиграл в лотерею. Горящий в ней огонек вдохновения бросал и на него свой отблеск, и согревал, и постоянно манил за собой — и он без него себя уже не представлял.

Для вдохновения был и вьющийся дикий виноград, два кустика которого Ирина воткнула по обе стороны крыльца, когда они только переехали, с оговоркой, что она не садовод и больше на участке ничего делать не будет — и рука у нее была такая легкая, что теперь весь дом, до трубы, утонул в роскошной зеленой шубе — и Роман очень любил этот виноград, в отличие от всяких изысков, устроенных потом дизайнером — не в обиду Лене Берестовой.

Для вдохновения был и стеклянный душ в гостиной, который при ближайшем рассмотрении оказывался светильником из стеклянных сосулек, и другие оригинальные мелочи, которыми его жена украшала дом. Роман гордился

тем, что их знакомые, задумав купить что-нибудь своеобразие и стильное, говорили: надо посоветоваться с Ирой Голубевой — тогда точно не промахнемся.

Для вдохновения были и их выезды на концерты и выставки. Когда они последний раз возвращались из Дома музыки, где группа привозных солистов исполнила Баха просто голосами, а капелла, да еще в джазовой хулиганской манере, Роман осторожно поинтересовался, действительно ли ей понравилось. И видел, как Ирина очень старается донести до него что-то важное, а глаза у нее в самой глубине непривычно грустные.

— Этот свингующий Бах? Да тут дело не в манере — они как раз очень тонко чувствуют барокко... Думаешь, я классикой объелась и теперь ищу аттракционы? Я к своей, внутренней музыке пытаюсь прислушаться — и ничего не понимаю.

Роман знал, что она постоянно слышит мелодии, только они не поселяются назойливо в голове, как у него, мешая спать, а возникают спонтанно, откликами на события, и всегда по разным поводам — разные.

— У меня все реакции последнее время такие предсказуемые, — продолжала Ирина, и было видно, что эта предсказуемость доставляет ей такой же дискомфорт, как головная боль. — Если происходит что-то радостное — сороковая симфония Моцарта начинает играть, как на мобильном телефоне. Если тревожное — автоматически включается Шостакович. Просто задумаюсь — Вивальди выползает, тоже на автомате. Все мелодии такие заезженные! Понимаешь, жизнь каждый день новая — а я реагирую избыточными эмоциями в виде какой-то «Золотой серии» классических хитов. Почему?! Что со мной? Почему я исхожу эмоциональными штампами? Что не так?

Роман не мог ответить — он не знал. Но «сухую грусть на дне очей» видеть было непривычно и тревожно, ее невесть откуда взявшаяся душевная неустроенность автоматически перетекала и в него, как в сообщающихся сосу-

дах. И на работе всё вдруг начало стопориться — вдохновение рождалось и жило в Ирине, но было их общим. Первое, что приходило в голову — Ирочка устала, она сейчас много работает, рекламодатели и правдоискатели ее совсем задергали. Газета — не игрушка, а большая ответственность и постоянное большое напряжение.

И если ей нужно разнообразие, новые впечатления, этот автобус, если она именно об этом мечтала, если от этого в ней зазвучит новая музыка — пожалуйста. Причуда ничем не чуднее ее собачьей гостиницы. Он готов потерпеть автобус, шут с ним. Тем более что и трясет не очень, и старина начинает действовать своим обаянием, и мальчишка попался интересный — Николай, помолодежному Ник, отвлек его. И накормили сносно.

Вот только какая еще попадется гостиница?

Владимир

*Да я это... гулял, гулял...
Мультик «Жил-был пес»*

ОСТАВИВ позади захватывающий дух пейзаж с Успенским собором на круче, автобус немного отъехал от города и остановился. Лена взглянула в окно. Достоинства архитектуры в ее представлении всегда зависели от красоты деревьев, растущих рядом. Родной дом в Белогорске, где она жила с самого детства, делали неповторимым легкие, одухотворенные ветви кленов. Их загородный дом, который пришлось продать, когда умер отец, всегда был улыбчивым, праздничным, окруженный сиренью всевозможных цветов и оттенков и цепочкой барбариса и черноплодной рябины, листья которых осенью бывают ярко-красными.

Типовое четырехэтажное здание гостиницы было очень красивым — оно стояло в густом сосновом парке, хранящем покой.

Ник выскочил первым и побежал обследовать прогулочные дорожки, ведущие в аппетитную, душистую чащобу. А Лена встала в очередь у багажного отделения.

— Позвольте вам помочь?

Ей улыбался мужчина из их группы. При переключке его называли Чупаненко, что вызвало у Ника бурю веселья, которое он сам же пытался душить, чтобы никто не услышал. Зашептал матери на ухо: Чупакабра! Кажется, это монстр из «Секретных материалов». Но когда одного за другим называли Коробейчика, Жулько, Пекаря и Страховитовых, придушенное веселье продолжилось.

Чупакабра путешествовал один, и за обедом безуспешно пытался пристроиться к разным столикам, пока его не забрала к себе немолодая руководительница группы. Лена еще удивилась мимоходом: одинокий мужчина на экскурсии — диковина, уж на что они часто ездят, а такое явление видят впервые. Как это его занесло? Обычно в сборные культпоходы отправляются семьи, мамы с детьми, пенсионеры, подруги, мечтающие повстречать вот таких чупакабр.

— Эта сумка ваша?

С дружелюбной улыбкой попутчик потянулся к берестовской сумке — но Ник, выросший из-под земли, довольно резко ее перехватил и без всяких слов потащил к крыльцу гостиницы.

— Спасибо, — ответила Лена обескураженному помощнику — не столько приветливо, сколько вежливо. — Мы никогда не берем больше вещей, чем можем донести сами. — И поспешила за сыном.

— Они и правда муж и жена, — прошептал ей Ник, когда она заполняла гостиничную анкету, а он слонялся по холлу среди прочих заполняющих. — Голубевы. Я в их паспорта заглянул незаметно.

— Николай, не мешай — я же собьюсь, и придется с начала начинать всю писанину!

Ник независимо отошел, но, кажется, надулся.

* * *

НАКОНЕЦ они добрались до своего номера. У Лены было одно желание: в душ и в постель. На работе она привыкла весь день проводить на ногах и считала себя выносливой — но беготня по экскурсиям свалит любого.

Однако сын, осмотрев комнату и рассеянно пощелкав пультом телевизора, заявил:

— Ну, я пошел. По городу погуляю.

— Куда? Чего? — не поняла Елена, проверявшая в ванной наличие полотенец.

— Гулять по городу. Не сидеть же здесь весь вечер! Дай ключ, чтобы мне тебя не будить, когда вернусь. Или пойдем вместе, если хочешь.

Лена не сомневалась, что это хохма — правда, неудачная. Встали сегодня в половине пятого, весь день на ногах, а завтра опять трястись в автобусе и ходить с утра до вечера, и послезавтра, и послепослезавтра.

Ник, опытный путешественник, не хуже нее знал, что энергию в дороге надо экономить. Экономить надо даже шаги, чтобы не выбиться из сил раньше времени. У них давно уже была выработана стратегия, которая никогда не подводила, включающая и крепкий сон — только сон безотказно восстанавливает и силы, и свежесть восприятия. Короче, в душ и спать.

— Еще чего! — вспыхнул Ник. — Что я, маленький! Я не буду спать всю ночь! Не хочешь со мной — я один пойду!

— Да мы же завтра весь день только и будем ходить по Владимиру, — попыталась урезонить Лена.

— Ну и что! Это экскурсии! — кричал сын. — Так опять ничего не увидишь! А я хочу походить сам, куда я хочу!

— Так нам завтра свободное время дадут — и походишь.

— Короче, не даешь ключ? Я и без ключа уйду!
И выбежал, хлопнув дверью.

* * *

ВСЁ произошло так внезапно, что Лена растерялась. Что с ним? Чего его укусило? Так замечательно, так мирно ехали, все было, как обычно, ничто не предвещало психоза. Главное — эта непонятная, неприкрытая злоба в глазах и в голосе, направленная прямо на нее! Никакой вечерний Владимир тут, кажется, ни при чем — он явно хотел ее обидеть и сделать что-то назло — причем все равно, что!

Лена выглянула в пустой коридор, закрыла дверь. Опустилась на диван. И что теперь — бежать на поиски? А куда? Гостиница за городом, в центр, говорили, идет какой-то рейсовый автобус — где искать этот автобус? Можно, конечно, взять такси, но приедешь во Владимир — и что дальше? Бегать по всем улицам сразу, крича и размахивая руками?

Надо было срочно что-то делать, но Лена не знала, что правильнее. Призвать на помощь руководительницу группы? Вот позор! Схватила за мобильник — естественно, не отвечает. Сразу в милицию звонить — подросток где-то один, в незнакомом городе, впереди — ночь?

Конечно, Николай всегда был чересчур независимым ребенком, ни на кого в этом плане не похожим. Даже когда его просто за руку вели, терпеть не мог — маленький, трехлетний! Выдергивал ручку и с сердитым достоинством шагал рядом, отдельно. А в пять–шесть лет уже убежал, не доложившись, через весь город, пока она дома готовила обед, наивно думая, что сыник играет во дворе, в песочнице, с другими ребятами.

Знакомые потом рассказывали, что видели его на рынке, где он с самостоятельным видом прохаживался по игрушечным рядам. Игрушек, что ли, в доме не хватало? Лена тогда донашивала старье, но на игрушках не экономила, покупала и трансформеры, и конструкторы. И нико-

гда не ругала его за самовольство, вообще не заостряла внимание — одни дети такие, а этот — вот такой. Может, зря?

А в третьем классе он запретил называть себя зайчиком, терпеливо повторяя: «Я не заяц». И другими ласковыми именами — тоже. И вообще всегда требовал называть себя полным именем, категорически не признавая никаких Колюнчиков и Николушек. Ее, наверное, считают суровой матерью, слыша исключительно официальное «Николай».

Возможно, весь этот шум-гам — просто развитие темы? Продолжает независимость проявлять? И ничего с ним особенного не случится — побегаёт и вернется, а она только поднимет напрасную панику?

Но она же, зная об этой его суперсамостоятельности, и так старалась никогда ее не подавлять, не стеснять его, особенно мелочно и по пустякам! Он всегда гулял после школы где и сколько хотел, с условием, что уроки будут сделаны, и сам он будет дома не позже десяти. Никогда не было ограничений и запретов — с кем дружить, куда ходить. Лена знала, что он бывает в пригороде, где местные мальчишки постоянно дерутся с ребятами из центра — но и этого не запрещала! Как же мужчина может вырасти без возможности попетушиться?

В последнее время стало заметно, что он завел себе подружку — но она ни разу не приставала с бестактными расспросами. И сейчас, когда он всю дорогу строчит одну эсэмэску за другой, делает вид, что не замечает: захочет — сам расскажет.

Не всякая мать дает ребенку такую волю! Может, все-таки, зря, если он не оценил, а, наоборот, выдал вот такое? Наверное, она все-таки всегда проявляла беспомощное слабование!

Ведь ему почти пятнадцать! Должно быть уже понимание! Растишь ребенка, ждешь терпеливо, что появятся сознательность, ответственность — напрасно, выходит?

Взрослость и самостоятельность, значит, только в том, чтобы ни с кем и ни с чем не считаться?

Ну и отдых начался! Приехали...

Лена так и не могла решить, что же делать — а стрелка уже пробежала полчаса.

* * *

ДВЕРЬ номера, незапертая, хлопнула. Появился Ник.

— Я по парку прошелся, — сообщил он, не глядя на мать. — Такой интересный парк — одни сосны, как наш лес у озера. Только правильный, все рядочками... Там еще был киоск. Я купил воды и чипсы. Будешь?

Обессиленная Елена жестом отказалась и рухнула без слов в свою постель, не в состоянии требовать ни объяснений, ни извинений.

Владимир — Боголюбово

*Мы все инстинктивно боимся цели
Многие из нас предпочли бы находиться
в пути всю жизнь, так и не добравшись
до места назначения. Мы судорожно
хватаясь за средства и часто забываем
о цели.*

Э. Хоффер

ЛИВЕНЬ хлынул во время обеда. Было так приятно сидеть в кафе, смотреть через окно на водяные потоки, надеяться, что ненужная жара теперь спадет, и уже не завидовать другой, обедающей во дворе, группе. Но пришло время возвращаться в автобус, а ливень не утихал — а зонты у всех, конечно же, остались в автобусе.

Услышав, что до храма Покрова на Нерли надо идти минут пятнадцать по исторической дорожке среди луга, которую принципиально не разрешается ни замостить, ни заасфальтировать, Ирина приуныла. Дожди обещали местами и к вечеру, а день — ясный, и она надела легкие сабо, в которых на раскисшей дорожке, конечно, сразу увязнет. Ливень перешел в противный сеющий дождик — так моросить он может хоть всю жизнь. Но неужели из-за такой нелепости она не сможет пойти к чудесной белой церкви, которую видела только на фотографиях?!

До самого Боголюбова Ирина еще на что-то надеялась. А Ромочка не удержался от мягкого, но нудного попрека все на ту же тему:

— Вот видишь, а ехали бы своим ходом — достали бы сейчас кроссовки из багажника, и всё!

Но он прав, конечно — переться по мокрому лугу, а потом заболеть было бы еще глупее. Хотя сам Роман, к Ириному недоумению, оставаться в автобусе не собирался — наоборот, воодушевленно доставал их огромный зонт, переговариваясь с мальчишкой. Он и не собирался составить ей компанию!

— Ничего, вот Лена тоже не угадала с обувью, и тоже остается.

Но Ирина не обрадовалась, что у нее есть товарищ по несчастью, и промолчала. Земляки снова начали ее раздражать. Вчера, когда они вдруг оказались такими приятными, тактичными людьми, она радовалась этому, словно сюрпризу, а еще больше — тому, что Ромочка стал на редкость приветливым и общительным — настоящим. Исчезла ироничная закрытость, за которую он всегда прячется — словно маска свалилась с живого лица. Вопреки собственным прогнозам, он был явно доволен поездкой.

Но сегодня — нет, Берестовы вели себя всё так же дружелюбно и тактично — но Рома! Рома ее удивил, неожиданно сделавшись еще общительнее — и постепенно довел до точки кипения. Она оторопело наблюдала, как

в броуновском движении экскурсионной толпы, перемещаясь от экспоната к экспонату, ее муж и мальчик Берестов постоянно сталкиваются, переглядываются, обмениваются репликами — причем к обоюдному удовольствию.

Вот они опять хохочут в автобусе, заметив вывеску «Лучший кофе на дороге», мальчишка продолжает: «Отхлебнешь — протянешь ноги», а Ромка поворачивается к ней, предлагая использовать их творческий потенциал для сочинения рекламных слоганов.

Вот снова хохочут, как дураки, стоя у знаменитых Золотых ворот, в которых когда-то застряла Екатерина Великая: вереница свадебных машин трижды объезжает памятник старины и трижды начинает бешено гудеть, стоит только их гиду открыть рот. Очень смешно, ничего не скажешь! Вот вместе считают ступеньки, поднимаясь в надвратную церковь...

С книжкой еще устроили клоунаду! Сначала оставили вчерашнюю энциклопедию мудрости на скамейке в парке, у Соборной площади. Тут же за ними погнались две туристки, старушки-подружки, размахивая томиком, и сотворили добро — вернули забытую вещь.

Потом в Дмитриевском соборе, пока все глядели, как зачарованные, на дивную каменную резьбу, эти двое втихаря «забыли» свои афоризмы внутри, на витрине с экспонатами — и уже чужой экскурсовод, надрываясь, гнался за ними.

— И как они догадываются? — искренне удивлялся Роман. — Что эта книжка наша?

— Да по вашим преступным физиономиям, — шипела Ирина, стараясь сохранить нейтральное выражение лица. Она сердилась, что Елена не делает замечание своему мальчишке, одновременно понимая, что останавливать надо того, кто старше — а значит, виновата она. — Прекрати сейчас же! Нашел развлечение!

— Так мы и хотим прекратить и избавиться от этой книженции. Мы же не виноваты, что она бежит за нами,

как собачонка, — разводил руками Роман.

Мы?!

А теперь, с кучкой других отважных путешественников, собираются пуститься вплавь по грязище и мокрой траве! Ее обществу он предпочел компанию чужого мальчишки! И ради этого она ехала так далеко?!

А Лена Берестова и на это не реагирует. Хороша мамаша — отпускает сына под дождь! Ирина заодно раздраженно отметила, что Николай в той же майке, что и вчера — маменька, со всех сторон внимательная, не позаботилась сменить. Ладно еще, затихла и не лезет с разговорами. Другие попутчики, тоже решившие остаться в автобусе, прикорнули в мягких креслах. Но Ирина никак не могла успокоиться.

Ну, Ромка! Нашел товарища! Что за причуды!

Неужели опять то же самое? Неужели пробуждаются так называемые отцовские чувства?

* * *

ПОСЛЕДНЕЕ время друзья и родные словно сговорились прозрачно намекать, что им пора обзавестись потомством. При любом подходящем и неподходящем случае. Как будто они сами не способны определить, что именно им нужно, когда и в какой последовательности. Конечно, что за семья без детей. Но не спешить же с этим, как на пожар!

Ира Голубева шокировала знакомых, говоря, что как все смиряются с неизбежностью смерти, потому что надеются — она придет не скоро, а когда-нибудь потом — так и она смирится с необходимостью кого-нибудь родить, и умереть для собственной, настоящей жизни, и начать жить маленькой домашней жизнью для детей — но тоже потом, попозже. Эти слова все воспринимали как ее обычное оригинальничание.

Но она в самом деле боится и всегда боялась детей! Этот долг нависает над ней, как грозовая туча, как сизифов

камень, неподъемный, давящий. Но есть ведь и другой долг — ее начатое дело, которое только-только наладилось!

После бессмысленной траты времени в музыкалке Ирина настойчиво пыталась куда-то приспособить себя и свои способности. Не из-за денег, с голоду она не умирала, муж легко мог ее прокормить. Но она вышла за него не для прокорма! Обставить дом, организовать быт — так, чтобы его было как можно меньше видно — это, конечно, занятие приятное, но жизнь этим не наполнишь.

Какие есть варианты для неглупой молодой женщины с высшим образованием? Идти в помощницы руководителя к кому-нибудь из Роминых знакомых? В один из отделов местной администрации, как предлагали родители — носить наряды, болтать с такими же барышнями? Числиться для стажа в чьей-нибудь фирме, появляясь там время от времени? Но так хотелось найти что-то не для галочки!

Ирине нужно было Свое Дело. Настоящее, в которое не жаль вложить душу. И обязательно свое, чтобы хорошие идеи не уродовались непониманием какого-нибудь руководства! Она постаралась отключиться от эмоций и подойти к выбору рассудительно, взвешенно. Какую нишу можно занять? Чего не хватает в Белогорске? Магазинов полно, салоны красоты — на каждом углу, даже интернет-кафе уже несколько, ателье — она неплохо разбирается в модах — не особенно процветают, больше работают на поток для московских магазинов.

Подсказала сама жизнь, когда им надо было ненадолго уехать, а пристроить эрдельтерьера Джерри оказалось некуда: родители тоже были в отъезде, а у друзей болели дети. И эта проблема вставала не только перед Голубевыми, особенно летом, во время отпусков. В Белогорске не было собачье-кошачьей гостиницы!

Отличная идея, вот только воплощение уперлось в бесконечные бюрократические барьеры, в запреты санэпиднадзора, сложности с арендой и некорректность клиентов — находились такие, кто использовал ее «Ков-

чег», чтобы избавиться от надоевших питомцев.

Удивительно, но провал собачьей гостиницы нисколько не обескуражил Ирину и не поколебал ее уверенность в себе. Любовь к четвероногим — это еще не вся она! Ее так много! Она столько умеет и знает! И ее музыкальное образование не должно лежать мертвым грузом.

Интеллигентное население города, как правило, не пропускало ни одного концерта или спектакля, если приезжали артисты с гастроями. Но культурная жизнь в Белогорске была все-таки вялой, к тому же в провинцию везли попсу, цирк или смехачей, так что спрос явно превышал предложение. Зимой податься и вовсе было некуда, и за культурой привычно отправлялись в Москву — те, кто мог себе это позволить. У них с Ромой это называлось «поехать на свежий воздух».

В который раз посетовав на это в разговоре с бывшими коллегами, Ирина воспламенилась новой идеей: городу нужна своя филармония. Да-да, и это вполне реально!

Среди ее знакомых столько сильных музыкантов: вокалисты, пианисты, скрипачи, даже композиторы. Окончили престижные музыкальные вузы — Гнесинку, консерваторию, академию Шнитке, а теперь или перебиваются случайными заработками в столице, или преподают всё в той же музыкалке, или ведут за гроши самодеятельные коллективы в ДК. Все они были бы просто счастливы участвовать в концертах! И есть еще студенты, приезжающие из Москвы на выходные!

Ира с друзьями просчитали все тщательно: аудитория — отдыхающие местных санаториев и пансионатов, которых пруд пруди, городская публика, школы, институт. Они даже набросали несколько просветительских программ для детишек. Всё было продумано!

Но первые концерты показали несостоятельность замысла. Городские меломаны оказались не готовы платить за билеты даже самую скромную цену — обнищавшие интеллигенты готовно шли во Дворец культуры

на бесплатные концерты — Рождественский, Пасхальный, ко Дню музыки и Дню Победы — а вот на платные...

Учащиеся тоже не бросались покупать абонементы, как ни агитировали их учителя — да и учителя намекали, что с них-то за эти мероприятия негоже деньги брать.

И в санаториях оказались либо пенсионеры-льготники, приехавшие по путевкам соцзащиты, либо новые богатые, которых классика не интересовала. Белогорская филармония не просуществовала и месяца.

Конечно, никто из друзей не смеялся, никто из родных не упрекал, что она тратит время и деньги — впустую. И саму Ирину новая неудача не свалила, словно она была неуязвимым ванькой-встанькой.

Вот только в третий раз она не имела права промахнуться.

И не промахнулась. В третий раз она попала в десятку. Белогорск был работающим городом, активным, деловым — рекламы набиралось достаточно, хотя часть ее привычно уходила в районную газету.

Главный редактор новоявленных «Белогорских вестей» поначалу объехала руководителей всех стоящих предприятий, фирмочек и фирм — и те, видя перед собой безукоризненную бизнес-леди с таким твердым, взыскательным взглядом, волей-неволей переходили на разговор в серьезных тонах, хотя многие и знали, что это та самая штучка-жена Ромы Голубева. Ирина не заискивала, не старалась понравиться, не обещала «всё, что хотите за ваши три копейки» — но скоро рекламодатели уже сами ехали к ней.

Тиражи росли, бесплатная городская газета набирала популярность. Белогорцы, привыкшие, что в районке о них пишут мало и коротко, с удовольствием читали о своих новостях и проблемах подробно. Начала расти команда — теперь она состояла уже не только из Ирины и бухгалтера, к ним добавились журналист и фотокор, верстальщик, рекламный агент. Она была ответственна за то самое настоящее дело, о котором так мечтала, за своих работни-

ков и благополучие их семей.

И вот теперь взять и всех огорошить: всё, поделали газетку — и баста, я иду продолжать свой род, а вы тут сами, как хотите. Оригиналке Ирочке опять приелся ее имидж — из жгучей брюнетки становится миленькой блондинкой, меняет английский пиджак на что-то розовое и в оборочку — наигралась в газету и собирается играть в дочки-матери. После двух провалов взять — и еще раз всё провалить, и продемонстрировать свою никчемность и безответственность — стоило тогда начинать? Или взять и всех удивить — погнаться за двумя зайцами...

Да нет, Ромка никогда не будет требовать от нее чего-то вопреки здравому смыслу, он же всё понимает!

Или нет?

Неужели ей не почудилось — и ее Ромочка, погруженный по уши в свою науку и далекий от всего бытового еще больше, чем она, созрел до отцовства?

Это было смешно — но Ирина вспомнила, как в начале лета они ходили в гости к Игорьку, двоюродному брату Романа, поздравлять с новорожденным. У Игоряши был такой же самодовольно-глупый вид, как у всех молодых отцов — словно он лично сделал что-то выдающееся. Женечка, его жена, казалась чуть живой после кесарева — до визитеров ли им было? Над слабеньким, страшненьким, не совсем допеченным младенцем кудахтали бабушки.

Ирина всегда панически боялась грудничков, которые ни с того ни с сего начинают орать — и непонятно, что с этим делать. В ее родительской семье малышей не было, она никогда не видела, как с ними возятся. А Игоревич как раз как заорет! Конечно, она поторопилась откланяться, едва вручив подарок.

А ведь Рома был очевидно опечален, когда она сбежала от писклявого младенца и сюсюкающих теток! Неужели огорчился отсутствию в ней инстинкта наседки? Ирина расстроилась еще больше. Правда, тогда она подумала, что он просто недоволен тем, что не соблюдены приличия:

надо было тоже немного посюсюкать и тогда уж уходить — Ромочка ведь такой правильный.

А может, ни до чего он не созрел, а только хочет, чтобы всё было как у людей? У брата появился наследник — и ему надо? И ведь никогда не скажет прямо, будет ждать, изводить своим печальным взором — догадайся, мол, сама. А она возьмет — и не догадается!

Или все-таки показалось? Расстроилась из-за нелепой дружбы с мальчишкой и напридумывала на пустом месте...

Лучше бы не было этой паузы в сонном салоне автобуса! Лучше ходить и ходить, сбиваясь с ног, слушая одного экскурсовода за другим.

Когда закончится этот ужасный дождь! Когда вернутся эти экстремалы! И как это некоторые умудряются так сладко дремать!

* * *

ЛЕНА Берестова дремала, удобно устроившись в кресле. Наконец-то можно по-настоящему отдыхать. Ребенок весь день ведет себя образцово, что на его языке переводится как извинение. Кому нужны формальные вымученные монологи? Если сам всё понимает, нравоучения ни к чему. Видимо, вчерашняя вспышка — это все-таки возраст и гормоны, тут лучше не пережимать.

То, что сын уже час бродит под дождем по мокрому лугу, ее не очень тревожило. Николай мог заболеть скорее в ограниченном пространстве, на воле же его бодрость и энергия возобновлялись сами собой. Еще маленький, он мог долго идти, не уставая и не жалуясь, к чему-нибудь новому и интересному, всегда быстро осваивался в незнакомых местах, никогда не терялся, а уж родной город изучил во всех подробностях еще в начальной школе — или раньше?

И если то, что каждый ребенок в чем-то талантлив — не общее место, а явление живое и бесспорное — у Ника был талант первопроходца. Лена, осознав это, опечали-

лась: ведь мало иметь способности, надо еще, чтобы они пришлись вовремя. Имеющий дар отличать съедобные растения от несъедобных и ядовитые травы от лекарственных вряд ли разовьет его и приспособит в наше время, и скорее всего будет считаться посредственностью — так же, как человек с задатками великого физика не был бы востребован, родился он в каменном веке.

Что же делать с архаичным дарованием сына, когда все земли уже открыты, поделены и переделены, и нанесены на карты? Кстати, он и карты прекрасно рисует, например, родного Белогорска со всеми его закоулками и достопримечательностями... Куда легче разобраться с талантом, универсальным для всех времен, музыкальным или изобразительным.

И всё же, не зная, как направить способности сына в мирных целях, Лена в глубине души ими гордилась. Та же искра божья озаряла открывателей русских земель — Дежнёва, Хабарова, братьев Лаптевых, Лазарева, плывущего в Антарктиду!

Национальный тип в Ленином представлении делился на два былинно-сказочных образа — Илью Муромца, лежащего на печи и грозно встающего с нее в минуту опасности, — и неугомонного Ивана Царевича, которого всё несет и несет за приключениями в тридевятые царства на самых неожиданных видах транспорта. Ничего, ее неумный Николай и сам прекрасно найдет, куда себя приспособить. В крайнем случае, в каком-нибудь экзотическом виде спорта, как Рома Голубев...

То, что сын подружился со взрослым мужчиной и весь день наступает Роману на пятки, Лену совершенно не беспокоило — Ник всегда заводил необычные дружбы. Одно время возился с шестилетним малышом, подолгу о чем-то разговаривал, плавать учил на озере.

А недавно привязался к одинокому старичку, помогал ему, как настоящий тимуровец — как это ни странно для современного мальчишки. И ничего ей не рассказывал, как

о своих детских походах на рынок. Лена не вмешивалась: конечно, ему не хватает дедушки, ее отца, они ведь так дружили.

Логичнее было бы предположить, что ему не хватает собственного отца — но подобные мысли просто исключены. У них эта тема не поднималась: родного Ник не помнит, Лена рассталась с ним много лет назад, а привет-сти заместителя никогда не думала.

* * *

ЕЕ ОТЕЦ, академик Николай Берестов, был человеком известным, и далеко за пределами Белогорска. А в самом Белогорске он посадил тот самый легендарный парк, который, кажется теперь, был здесь вечно — огромный, с растениями и деревьями почти со всех широт. В советские времена в НИИ часто приезжали иностранные научные делегации, и сложилась традиция — сажать деревья той страны, откуда прибыли гости. На аллее Дружбы росли японская сакура, индийская сирень, ливанские кедры.

Дед постоянно водил внука в берестовский парк, показывал разные растения — и рассказы о них заменяли маленькому Николаю обычные сказки. Постепенно он привык считать парк продолжением дома, и во втором, кажется, классе, в сочинении на тему «Моя семья», написал: «У нас есть парк. В нем живут большие деревья...» — и дальше о каждом важном дереве, как о члене семьи, изложение дедовых сказок.

В доме Берестовых всегда было много народу. Коллеги, ученики, бесконечные родственники, просто посетители — Николай Иванович был еще и бессменным депутатом. Сколько Лена себя помнила, он постоянно кому-то помогал, куда-то звонил и за кого-то просил — устраивал на работу, хлопотал о жилье, о пенсии, о продвижении кандидатской, о приеме в аспирантуру, о публикации статьи в научном журнале. И всё это казалось естественным, хотя с ней он почти совсем не общался — не успевал — даже

когда Лена выросла и выбрала биофак, и им было, о чем поговорить.

Нет, она никогда не ревновала отца к его Делу — это было святое, ее саму учеба, а потом работа захватывали точно так же. Но Лена терпеть не могла его пришельцев — так она называла почти всех, кто к академику Берестову приходил и вокруг него вертелся — за несколькими исключениями.

Лена ясно видела, что одни бесцеремонно решают свои дела, другим просто хочется погреться в лучах светила, иные ненавидят большого человека за его величину, но даже себе в этом не признаются, демонстративно нося маску преданности — и не понимала, как остальные могут этого не видеть — особенно сам отец. Она ненавидела тех, кто отщипывал от него по кусочку, и ничего не могла сделать — а Берестов посмеивался над дочкиной холодностью к его окружению, принимая ее за нелюдимость.

Но ее интуиция оказалась сильнее его доверчивости — в этом Лена убедилась, когда отец, больной и состарившийся, оказался совсем один. Пришли новые времена, безжалостные и безразличные к старым и слабым. Сбережения обесценились, пенсия стала призрачной, одна операция следовала за другой — а те, без кого раньше не проходили ни праздники, ни будни, просто растворились. Немногие настоящие друзья, такие же старые и больные, мало чем могли помочь. А пришельцы — что ж, здесь им больше нечем поживиться, и они приспособивались к жизни по новым правилам.

И Лена, привыкшая ощущать отца незыблемой опорой, причем не только для себя, вдруг обнаружила, что единственная опора — это, кажется, она сама. Для всей семьи Берестовых. Включая маленького Ника — ее собственный брак к тому времени уже распался. Надо было заканчивать учебу, сводить концы с концами, ухаживать за больными родителями — о какой личной жизни могла тогда идти речь!

Особенно после двух похорон. Только тогда Лене стало по-настоящему страшно. Она поняла, что даже больной отец все-таки продолжал быть опорой — она была не одна.

Но она и теперь не одна — их двое, мать и сын. Малыш растет, открывает мир, который никак не должен оказаться жестоким или убогим, бесцветным — его детство останется с ним на всю жизнь, оно должно будет укреплять его и поддерживать, и запаса счастья должно хватить на долгие годы. Ребенка не должно касаться то, что мама не может найти приличную работу или что ей неоткуда взять денег на новые игрушки и вкусности, которые едят другие дети.

Она уже не папина дочка, а взрослый человек. И не должна позволять себе погрузиться в уныние и безысходность, постепенно распродавая ценные вещи и бесценную библиотеку. Вариант ДДД — доживаем, доедаем, донашиваем — сходу был отмечен.

Ленино решение было более радикальным: она продала их загородный дом. Тот, любимый, наполненный воспоминаниями, с теплыми вечерами на крыльчке и ее детским смехом, с кошачьими историями и незабываемыми дружбами, с «секретиками» в саду и осиным гнездом в беседке. Они жили там больше, чем в городской квартире — Лена даже в школу ходила в Сосновом Бору.

Но за «дачу академика» давали больше, чем за квартиру в «зефире», доме пусть тоже престижном — и выбор был сделан, а деньги вложены в дело — в питомник декоративных культур. Сейчас об этом вспоминалось не без внутренней дрожи: как она тогда могла решиться — девчонка, вчерашняя студентка, совершенно без всякого опыта, жизненного и профессионального!

Но тогда не было ни колебаний, ни сомнений — Берестовский питомник должен обеспечить их семье твердый достаток, чтобы призрак голода больше никогда не посмел замаячить. И само его название должно говорить о том, что их фамилия жива.

Желающих капитально и продуманно обустроить пространство вокруг своих особняков становилось всё больше. Клиенты заказывали дизайн и «как у соседа — чтобы и бассейн, и водопад, и альпийская горка», и эксклюзив — «чтоб такое только у меня» — как тут пригодилась Ленина фантазия! А потом началось поголовное увлечение фэншуй.

Разнообразии заказов ее увлекало, даже капризы, способные поставить в тупик, только подзадоривали. Регулярный французский парк? Что ж, двадцать четыре сотки — не Версаль, но попытаться сделать маленький версаль — задача интересная.

Заказчик хочет, чтобы деревья сразу были большими? Ничего невозможного нет — зимой ему посадят крупномер, а летом он уже будет гулять в густой тени.

Ах, вы желаете английский сад на русский манер, и несколько фирм уже отказались? Наша не откажется! А вам приглянулся экологический проект? Мне это тоже по душе...

Питомник встал на ноги и скоро смог принять под свое крыло берестовский парк, оказавшийся заброшенным и запущенным — пока одни кинулись делать деньги, а другие пытались выживать, всем было не до красоты.

Так какая там личная жизнь, без выходных и отпусков?

Конечно, красивую молодую женщину замечали многие, а многие замечали успешную владелицу прибыльного дела — но ей они казались или забавными, или никчемными — или и то, и другое вместе — вроде господина Чупаненко.

К тому же было очевидно, что даже идеальный мужчина встанет между ней и сыном. Это умозрительно, теоретически — а практически им ведь никто и не нужен. А срывы и неприятности бывают и в полных семьях — куда от них денешься.

И как вовремя эта остановка в пути, хотя и безумно жаль в то же время, просто нелепо: быть в Боголюбове —

и не побывать в Покрова на Нерли! Зато удалось замечательно отоспаться — а вот и свои возвращаются, мокрые и счастливые.

Владимир

*В дороге и в несчастье всегда рождается
дружба, и ярче проявляются способности
человека.*

Лопе де Вега

— ВЫ ПРЯМО Айседора Дункан, — проговорил улыбающийся Чупаненко, подхватывая голубой воздушный шарф Елены, готовый улететь — при выходе из автобуса обнаружилось, что к дождю прибавился еще и ветер.

Ник, наблюдая, как матери опять приходится благодарить Чупакабру за любезность, подумал, какой же он дурак со своей дурацкой эрудицией и дурацкими комплиментами. Наверное, только ему одному неизвестно, что Айседору ее шарф удавил.

А Роман, нагоняя Берестовых, принялся беззаботно насвистывать «крутится-вертится шар голубой». «Он еще и свистит», — изумилась Ирина — а Роман повернулся к ней:

— Там же «шарф» на самом деле, в этой песенке? Помнишь, ты когда-то рассказывала.

— Да, — подтвердила она рассеянно. — Сначала, исторически, был шарф, потом буква «ф» съелась — мешала петь.

Эрудиция Голубевых Ника почему-то совсем не раздражала, а Лена даже обрадовалась:

— В самом деле? То-то мне всегда представлялся какой-то угрожающий глобус над беззащитной макушкой — и так

он не вязался с любовью к барышне. Я этот шарфик завела специально для поездок. А то платок всё забывала захватить — не люблю себя в платке — а в некоторых храмах строго. У одного монастыря — Николай, помнишь? — пришлось рыться в коробке у входа, с бесплатными платочками. А хорошие уже разобрали, остались грязненькие всякие...

— А мама всё роется, переживает, что экскурсия уже началась, и без нее всё рассказывают, — жизнерадостно подхватил Ник. — И дорылась — вытащила из этой коробки громадные семейные трусы в цветочек, да как развернет!

— Вот после них и был куплен шарф голубой, — заключила Лена.

* * *

ТУРИСТЫ разбрелись по Соборной площади, отдыхая от экскурсовода и постоянного притока информации и делая снимки на память.

— Вроде всё запечатлели? — справился Роман, убирая фотоаппарат. — Смотри, наш ландшафтный дизайнер опять в церковь ныряет — и мальчишку тащит за собой. Там служба, что ли, сейчас?

Набожность молодых и привлекательных женщин вызвала в нем иронию, которой он не скрывал. Ирина подозрительно глянула в ту сторону — не собирается ли впавший в детство муж опять затеять игры с мальчишкой? — и рассеянно отвечала, доставая зонтик:

— Мы там утром уже были. Может, люди просто дождь хотят переждать.

А когда сами Голубевы, решив пройтись до смотровой площадки и не спеша постоять над живописным обрывом, поравнялись с Успенским собором, дождь так припустил, что ничего не оставалось, как зайти внутрь. Там действительно шла служба, горели свечи, и под мелодичный распев священника храм выглядел совсем иначе, чем под бодрый утренний голос гида. Правда, священника видно

не было, задние ряды прихожан всё загораживали.

Ирина подумала, не купить ли свечу, раз уж они тут оказались — прилавки со свечками, иконами и духовной литературой как раз должны быть у входа, — но передумала: начнешь проталкиваться и помешаешь кому-нибудь. Люди все-таки молиться пришли. Правда, у тех, кто стоял рядом, особого молитвенного состояния не замечалось.

Подошел молодой человек в рясе, наверное, семинарист какой-нибудь, и давай крестное знамение творить — да так размахисто, разухабисто, как будто банным венником машет, того гляди ушибет кого-нибудь. Ромка быстро отвел глаза, и уголки губ у него вздрагивают. Сбоку старушка, гоголевская Коробочка, наоборот — частит и частит, движения руки мелкие-премелкие, скупые, как будто копейки считает. И всё губами шевелит — видимо, перечисляет просьбы к Богу, стараясь ничего не забыть. Мужчина с совершенно безумным лицом что-то бормочет, и всё громче, почти в полный голос. Ромка возвел глаза к потолку, сдерживая улыбку, а Ирина отодвинулась — кто их знает, сумасшедших, юродивых.

Поймав на себе косой взгляд еще одной старушки, согнутой в три погибели то ли поклоном, то ли жизнью, она поспешно набросила на голову капюшончик. До спецшарфа еще не додумалась. А надо бы — ничему жизнь не учит! Последний раз Ирина была в церкви — не с экскурсией, а по зову души — давно, еще девочкой. Шла из больницы — навещала маму, которая серьезно болела, и что-то вдруг потянуло. Конечно, она была без этого несчастного платка. И одна старая карга как накинется! Ирина и сейчас вспоминала об этом с содроганием — а тогда ведь еще маленькая была, расстроенная, уязвимая... Священник бабку одернул, но она уже так домой бежала! И зова души с тех пор не было. Заклинило, должно быть.

— Платка не наденут... денег, что ли, нет купить... чем богаче, тем жадней...

Это шипит та самая скрюченная старушонка. Ирина

шарахнулась. Опять?! Конечно, в церквях всегда толкуются эти бабки: встретят недобрым взглядом, насквозь им пронижут, полезут с указаниями, потому что лучше всех знают, как правильно молиться и креститься. Теоретически — лучше на них вообще внимания не обращать.

— Лба не перекрестят... ходят, как в театр... думают, Господь их молитву примет...

А практически Ирина вылетела прямо под дождь. Ее окатило сплошным потоком с крыши, она метнулась назад, столкнулась с кем-то, уронила сумку... В висках колотилась какофония, словно оркестр взбесился и все инструменты одновременно взвыли диким воем. И зачем им с Ромкой понадобилось сюда заходить! Могли бы погулять под зонтиком...

— Ничего, я всё уже собрал. Глядите, и книжка не испачкалась.

Сын Елены протягивал ей вылетевшую мелочь и побывавшее в луже зеркальце, быстро вытерев его об свои штаны. Взглянул на книжку, прочитал вслух:

— Эдмон Ростан. Сирано де Бержерак.

Взгляд вопросительный — книженция явно не дорожный детектив. Ирина почему-то начала объяснять:

— На вокзале увидела. Это новый перевод, александрийским стихом, каким сам Ростан писал. Сразу захотелось почитать — французского я не знаю, а тут кажется, что ближе к подлиннику, если размер выдержан...

— Аутентичный Ростан, — весело подхватил Рома, появляясь на крыльце. — Ты чего сбежала? Душно? Ирина признает только всё настоящее, — сообщил он Нику. — Своих учеников водила на концерты аутентичной музыки, и меня заодно. Ну, это когда старинную музыку исполняют на таких же инструментах, для каких ее сочиняли лет двести назад. Не рояль, а клавесин, не гитара, а лютня. И правда, иначе звучит.

— А вы думаете, эта старина, которую нам показывают, настоящая? — неожиданно прищурился Ник. — Нет, я

знаю, что это не новодел, и про несколько метров культурного слоя, который всё меняет... Но все-таки — мы вот это всё видим таким же, как те древние люди? Если на провода и самолеты внимания не обращать? Самое главное — осталось?

Роман и Ирина переглянулись, не зная, что ответить. Если мы другие, как мы можем видеть так же? А мы — другие? А что считать самым главным?

— Мы же с тобой специально на службу зашли, чтобы представить, как всё было, когда нас не было, — ответила за них подошедшая Лена. — Храм тогда живой, не музейный. А ты взял и смылся. Мне всегда хочется увидеть старинные церкви настоящими, в действии. — Это уже Голубевым. — Вообще ловлю себя на том, что хочу еще раз вернуться в те места, где только что была, — когда они уже не позируют, и увидеть то, что второпях пропустила.

Ирина невольно улыбнулась — стало быть, ее стремление к подлинности не уникально и встречается в разных формах почти у всех подряд. Жизнь так коротка, и было бы так бездарно довольствоваться заменителями и подделками! Или мать и сын Берестовы — не все подряд? По крайней мере, уже не так ужасно на душе после бабки. И Ирина тут же простила Лене небрежность в воспитании и вчерашнюю майку Ника.

А мальчишка фыркнул:

— Ага, зашли и увидели! Смех один. Особенно тот мужик, который крестится, как зарядку делает. Хорошо еще, что без гантелей. Видели? — повернулся он к Роману, и тот, не выдержав, расхохотался.

— Вот и я вечно в храме отвлекаюсь, никак не могу на молитве сосредоточиться, — засмеялась и Лена. — Наверное, потому что бываю редко. Мы ведь с вами рядом стояли — и правда, клоуны какие-то вокруг. Изю всех сил пытаюсь что-то расслышать, разобрать — и понимаю, что всё пропало, зря пришла. Все не такие, и все мне мешают, и всю молитву испортили!

— Надо было в потолок смотреть, — перебил Ник. — Меня когда в школе смешат, а заржать никак нельзя — так глаза в потолок, или такой размытый взгляд сделать, чтобы не действовало...

— А я, по-твоему, в школе не училась? Уставилась в потолок, на росписи. И вот смотрю, смотрю на них — и вдруг замечаю, что я не одна смотрю, а вместе со всеми, кто здесь был когда-то до меня. Храм намоленный, и незримое присутствие многих-многих людей так явственно ощутилось! Всех, кто так же, как я, приходил сюда за душевным покоем. Весь купол ими наполнился! И вдруг так стало легко, — весело завершила Лена. — Не представляете, я всех простила. И мальчишку — повзрослеет и перестанет манерничать. И большого дядьку — вылечится и успокоится. И бабу-счетовода — да пусть ее будет, какая есть. И больше мне уже никто не мешал!

Ник продолжал потешаться, а Ирина жестко сказала:

— Лена, вы очень светлый человек. Потому и увидели в этой толпе отражение вашей светлой веры. А они на самом деле остались, кем были — дураками и клоунами.

В ее словах звучала непонятная горечь — Роман взглянул на жену с тревогой: даже в увеселительной поездке ее все или выводит из себя, или чересчур волнует. А Лена беспечно махнула рукой:

— Какая там светлая вера. Я верю мало и плохо, а по-настоящему надо — много и хорошо... Как у нас со временем — можно еще погулять или пора назад, к автобусу?

Роман посмотрел на свои большие часы:

— К автобусу. Сейчас ужинать повезут. — Взглянул на Лену с улыбкой: — Или вы хотите... э-э... еще внутри постоять?

Лену его едва заметная ирония нисколько не обидела, она улыбнулась в ответ, покачав головой, а Ирина тут же одернула мужа, выражая взглядом всё, что неудобно ска-

зять вслух. А когда Берестовы двинулись вперед по дорожке, потихоньку заговорила: хватит ёрничать, чего особенного в том, что люди, путешествующие по Золотому кольцу, заходят в церкви, не все же получили одинаково безбожное воспитание...

Тут Ник, который, по-видимому, обладал более острым слухом, чем мать, оглянулся:

— Я получил безбожное воспитание! Мне дедушка говорил, что мы все были обезьянами!

Берестовы и Голубевы сократили дистанцию и опять пошли вместе, и Лена объясняла:

— Родители — биологи, убежденные атеисты, человек произошел, как Дарвин сказал — и без обсуждений. О религии в доме вообще никогда не говорили. Представляете, я крестилась уже взрослой, позже, чем собственный сын. Еще не до конца была уверена, правильно ли поступаю — ведь такими вещами не шутят.

— Как же вы решились? — посочувствовала Ирина. — В сознательном возрасте это так непросто, по-моему.

— Ну да, рассудочность не то чтобы тормозит или охлаждает — но порождает полный сумбур в голове. Например, какое дело мне должно быть в этот важнейший для меня момент до того, как я выгляжу в чужих глазах? И в то же время так не хотелось оказаться среди стада, которое вдруг поголовно объявило себя верующими, потому что быть неверующими стало уже не модно! Или рядом с чиновниками, которые являются теперь на службу, как на партсобрание. И еще — всё казалось, что если взрослый человек принимает такое решение, его что-то должно на это подвигнуть, чтобы не оставалось сомнений...

— Знак свыше? — подсказал Роман, немного лукаво. — Знамение?

— Вроде того. Но знамения не было. И реалист во мне говорил, что его можно никогда не дожидаться. И я решилась — без знамения, просто чтобы входить в храм, не чувствуя себя чужой. Ведь самые тяжелые моменты жиз-

ни связаны с тем, что или всё и все вокруг видятся ненстоящими, или сам себе кажешься всем чужим и никому ненужным...

Вдруг от лотка с мороженым, мимо которого они только что прошли, раздался громкий оклик:

— Чья книжка, господа туристы? Кто книжку оставил? Большая, красивая!

Ирина уставилась на Романа испепеляющим взглядом, Лена, укоризненным, — на Ника. Мужчины переглянулись. Ник понял, что бежать придется ему, как самому молодому, но возмутился совсем не этому.

— Чего орать? Ну, забыли и забыли. Взяли бы себе. Никому мудрость не нужна!

— Возможно, они думают, что это бомба, и пугаются, — ровным голосом предположил Роман. — Помнишь отечественную историю? Народовольцы-террористы делали бомбочки как раз в виде книг.

— Очень смешно, — вспыхнула Ирина.

А Роман, засвистев «Крутится-вертится...», рассматривал что-то вдаль, поверх голов. Возможно, их автобус на стоянке — лимонно-желтый, с зеленой и оранжевой полосами.

* * *

У АВТОБУСА Чупаненко-Чупакабра готовно им объяснил, что все уже отправились в кафе — пешком, поскольку идти недалеко, а дождик уже унялся. Но им совершенно не о чем беспокоиться, им не придется ничего искать — он сейчас покажет дорогу, они не заблудятся. Он сообщал это всем, но смотрел на Елену, и Ирина тактично приотстояла, придерживав мужа за рукав. Но Лена очень мягко сказала Чупакабре спасибо, а Голубевым:

— Мы могли бы опять поужинать за одним столиком, если получится. Если мы вам еще не очень надоели.

У Ирины возникло смутное ощущение deja vu — ну да, это та же ироничная отстраненность, что и у Ромки, легкая

насмешливость и деликатность вперемешку. А во вроде бы незначительной просьбе к ним — то доверие, с которым обращаются к близким людям. Тогда она решительно продвинула вперед Лену и Романа, сама взяла под руку мальчика, тротуар был неширокий — и они парами зашагали, тесня вперед свою путеводную звезду — Чупакабру, немного растерянного, оставшегося без пары.

А Ник негромко ворчал, что надо было только сказать ему название кафе, и он сам давно бы всех туда привел, и дорогу бы выбрал короче.

* * *

— И КАК это народ пляшет, — удивилась Ирина за ужином, глядя на всю развлекающихся туристов из своей группы. — У меня ноги просто отваливаются! А ведь мы еще в автобусе полтора часа отдыхали. Это всё сидячая работа.

— Надо больше истязать себя на тренажере, — поучающе вставил Роман с обычной ноткой иронии, но Ирина отвечала серьезно:

— Да, я увеличу нагрузку, когда вернемся. Еще эти ужины! Опять куры, и опять жареные! Так не заметишь, как живот отрастет.

Берестовы с сомнением посмотрели на ее тонкую узкую фигуру — но Ирина продолжала убеждать:

— Я совсем распустилась — восьмой час, а наворачиваю курицу с картошкой. Какой-то волчий аппетит от этих бесконечных хождений! А ведь после шести вечера вообще нельзя есть.

— Совсем? — глаза у Ника увеличились. — Почему?!

— Чтобы соблюсти фигуру, — отвечал Роман загромбым голосом, возводя глаза к потолку.

Ник смотрел на Ирину с почти священным ужасом:

— И вы не едите?!

— Не ест, — подтвердил Роман, но Ирина с упреком самой себе указала на тарелку:

— Ем.

— Ну, это же не дома. А Роман дома ужинает? Значит, у вас сильная воля, если вы смотрите на него, а сами не едите, — рассудил Ник, сразу же зауважав Ирину, как Романа — за воздушные шары. — Мам, а ты могла бы оставить себя без ужина? — И поспешно добавил: — Я — нет.

— Тебя никто и не оставит, — заверила его Ирина. — Мужчина должен много есть. Особенно в твоём возрасте.

— А я год или больше жила без ужинов, — вспомнила Лена с удивлением. — И ничего. И малышу готовила есть — а сама не хотела, даже странно. Любой другой еды хотелось, а детской — нет.

Все деньги тогда уходили на операции и на лечение родителей, и пришлось перейти на «диету», чтобы у них были поддерживающие лекарства, а у сына — полноценное детское питание. Но когда Лена увидела первых сограждан, роющихся в помойке, то с содроганием поняла, что есть те, кому еще хуже. Голод, о котором раньше со слезами читалось у Приставкина, Диккенса и Горького, из отмерших исторических явлений перешел в обыденные. На ужины у нее тогда была Марина Цветаева с ее «чердачной» прозой — и атмосфера гражданской войны и разрухи так неожиданно сближалась с атмосферой начала девяностых с ее талонами на сахар и табак, пустыми прилавками, фантастическими деньгами с бесконечными нулями, такими же бесконечными очередями и номерами, написанными на руке.

Лена до сих пор была благодарна Марине за моральную поддержку — но угораздило же вспомнить обо всем этом сейчас. Как же это из нее вылетело!

Ник помрачнел и мужественно предложил матери свое мороженое, а Ирина поникла:

— Целый год! Вот это настоящая сила воли. Вы сохраните фигуру, не то что всякие обжоры — не будем показывать пальцем.

Роман сожалеюще взглянул на жену, понявшую Ленину

реплику в буквально-диетическом смысле, и тихо спросил:

— А помнишь анекдот о лишнем килограмме? — и, поймав ее едва заметную улыбку, начал в эпическом духе: — Однажды Ирочка, встав на весы, с ужасом увидела лишний килограмм. Что тут началось! На борьбу были брошены все душевные силы. Вмиг были забыты любимые собаки, друзья, муж, наконец.

— Да, я боролась, — подтвердила Ирина, воспрянув. — Жизнь казалась такой осмысленной. Я сжимала волю в кулак, я уже побеждала!

— И вдруг? — подсказал заинтересованный Ник, предвидя каверзу судьбы — она как раз должна быть в этом месте.

— И вдруг — мой муж обращает внимание, что стрелка весов чуть-чуть отошла от нулевой отметки!

— И именно на килограмм, — со смехом пояснил Роман.

— Вы представляете, — продолжала Ирина с искренним сожалением, — не было никакого лишнего килограмма! Была обычная погрешность механизма, Рома подкрутил какое-то колесико. И борьба, такая увлекательная, ушла из моей жизни!

Берестовы сочувственно смеялись, Ник — с особенным удовольствием: он оценил способность не просто смешно рассказывать, но смешно рассказывать о себе. От Ирины он этого не ожидал — уж очень строго она всегда смотрела и очень резко говорила. И еще ей явно не нравилось, что он общается с Романом — и Ник посматривал в ее сторону с опаской. Но сейчас он к ней смягчился, и к тому же оценил, как умело она отшила Чупакабру — от мамы. Хорошо, когда люди быстро соображают.

* * *

В ГОСТИНИЦЕ Лена и Ник продолжали обсуждать прошедший день, такой насыщенный, и своих знакомых.

— А Ирина тоже, оказывается, ничего, — говорил Ник,

выкладывая на стол газировку и чипсы — после ужина первым делом надо позаботиться о том, чтобы дожить до завтрака. — А я сначала думал — фифа такая, нос загибает, никогда не улыбается. К тому же она не в моем вкусе.

Изумленная Лена захохотала, упав на диван, одновременно вспоминая незнакомую блондинку, ровесницу Ника, с которой она как-то случайно его заметила.

— А кто в твоём вкусе?

Ответа не было.

— Скажи хотя бы описательно.

Ответа снова не было — тогда Лена объяснила, что существует такая вещь, как краска для волос, и она видела Ирину Голубеву и брюнеткой, и рыжей, и в полосочку, и даже вроде бы с зеленой головой — но, возможно, это был парик — а настоящий цвет волос у нее, кажется, светло-русый. Ник оживился и одобрил.

— И еще она такая стройная.

Сын незамедлительно одобрил и это.

— И одевается со вкусом — и дорого, заметил?

Тут уже пришла его очередь удивляться — Ник с недоумением услышал, что простенький полотняный костюмчик их знакомой — из бутика, а маленький значок на шейном платочке — с настоящими бриллиантами. Для него это было просто красиво. Как это мама ухитрилась разглядеть? Да, умение разбираться в женщинах надо совершенствовать.

— Телевизор посмотрим? — Ник защелкал пультом. — Ого, сколько здесь каналов ловится!

— Я за день уже достаточно насмотрелась, — отказалась Лена.

Сейчас только закроешь глаза — и опять поплывет перед ними Владимир, куда «бог привел мастеров из всех земель», и все чудеса, что они понастроили. Перебивать такие впечатления новостями или второсортным фильмом?!

— А я не насмотрелся. Мы сейчас найдем какой-нибудь

классный фильмак, — радостно пообещал Ник, продолжая щелкать.

— «Кровавый след вампира»? — невинно поинтересовалась Лена. — Или «Проклятие острова скелетов»?

— О! — обрадовался сын. — Нашел. Вот, смотри — это «Корабль-призрак», только начинается. Давай посмотрим, тебе понравится!

— Мы это уже смотрели. Я помню. Там будет большой крокодил.

— Да нет, крокодил в другом фильме!

— Ну, все равно знаю: они плывут, а там — гигантская акула.

— Мама, акула — это «Челюсти»!

— Что, и большой обезьяны не будет? — Лена смотрела с непритворным подозрением.

— Нет, — терпеливо отвечал Ник.

— И человека-рыбы? И человека-червяка?

— Ты путаешь с «Секретными материалами».

— Ну, тогда огромная змея всех кинется душить и пожирать?

— Не будет здесь змеи, — ровным голосом отвечал Ник, готовый не замечать маминых приколов, лишь бы ему не мешали смотреть.

— И здоровенных пауков-людоедов не будет? И что это тогда за фильм? — Лена глядела с подчеркнутым разочарованием и укоризной. Переспросила на всякий случай: — Так крокодила не будет?

— Нет.

— А ты завтра проснешься, если будешь смотреть этих призраков? Когда они кончаются?

— Проснусь.

Лена полистала газету с программой, наткнулась на развлекательно-психологический тест. Фильм прервался на рекламу, и Ник заглянул ей через плечо:

— Что за байда?

Мать повернула к нему газетный листок, Ник прочитал:

«Ревнивы ли вы?» — и, снисходительно глянув на тест, заявил, что и без него знает, что ужасно ревнив.

— Да? — заинтересовалась Лена и спросила — просто так: — А меня ты ревнуешь?

Ответ ее поразил.

Сын не отмахнулся и не посмеялся, а, повернувшись к ней и не замечая, что фильм уже идет, охотно начал перечислять, что ревнует ее к подругам, к коллегам, к работе, на которую она уходит, к их кошке, которая забирается к ней на руки, когда она возвращается домой, к компьютеру, книгам, газетам, к телефонным звонкам — и перечень всё не кончался.

* * *

ПОТОМ, уменьшив звук, Ник продолжал смотреть своих призраков, а потрясенная Лена даже не пыталась заснуть. Какой возраст! Какие гормоны! У любого пустяка есть своя причина — конечно, это Чупакабра со своим любезным предложением поднести вещи! И вместо красивых видов города Владимира перед Леной, как наяву, встало помрачневшее лицо сына, схватившего сумку, и его сегодняшние косые взгляды в сторону Чупаненко.

Боже мой! Опасения мальчика, что она примет чьи-то ухаживания и уже не будет принадлежать ему безраздельно, стали откровением и шоком. Вот ведь как можно отупить в бесполом мире работы и детской! Совсем не учесть того, что их уютный гармоничный мир с любимым парком, любимыми книжками, путешествиями и старинными городами — одновременно мир мужчин и женщин, и выросший сын может смотреть на всё происходящее другими глазами. И мелкое событие, ничего для нее не значащее, ему может показаться трагедией!

А как же тот отчужденный, холодный взгляд Ника-вчерашнего, его непостижимая жестокость, которая так ее стегнула?! Вчера она могла думать только о том, что никак не заслужила такого оскорбления, что всё и всегда делала

так правильно — а в суть его слов даже не пыталась вникнуть. Восприняла их буквально — и немедленно расстроилась, упустив из виду то, что всегда помнит любая мать: дитя кричит — значит, ему плохо. И какая разница, малое оно или большое, умеющее говорить — оно пытается донести до нее свою боль, а она должна уметь слушать. А слова — да что слова? Их порой надо понимать с точностью до наоборот, и «я тебя ненавижу» и «уйду, куда глаза глядят» может означать «я тебя люблю и никуда не отпущу». Глупо обижаться на собственных детей, как же глупо!

— А эту возню с книжкой ты, пожалуйста, оставь, — проговорила Лена, уже засыпая. — Хватит развлекаться. Ирина уже чуть не плачет!

И вроде бы спящий Ник тут же совершенно бодро хрюкнул:

— Да мы только и пытаемся ее где-нибудь оставить. Я виноват, что эта мудрость прицепилась к нам, как репей?

Суздаль

А теперь идите куда глаза глядят.

*Бродите... Только так можно узнать
город.*

Андре Моруа

И КУДА он мог исчезнуть? Ирина озиралась, начиная нервничать. Романа нигде не было видно. Она отошла буквально на секунду: показалось, что рядом — газетный киоск, хотела купить здешнюю газету. Во Владимире для этого совсем не было времени. А она уже привыкла, приехав куда-нибудь, просматривать местную печать — и для сравнения, и чтобы поучиться. Но везде были только нескончаемые лотки и горы сувениров.

После обеда группу отпустили на свободу, и они с мужем успели обойти Гостиный двор. От деревянных фигурок, птиц счастья и колокольчиков рябило в глазах.

Ирину поражало, что поделки, практически такие же, как у них в Белогорске, были здесь заметно дороже. Налетай-торопись, господа туристы — кому тут деньги некуда девать!

Но где же Роман?

Ирина вернулась на то место, где его оставила, потопталась, оглядываясь — нет, пропал. Неужели ее пошел искать? Но это верный способ разминуться!

Ирина растерялась: они даже не договорились о месте встречи на такой случай. Теряться совершенно не предполагалось, вроде бы люди взрослые.

И что дальше? Ни одного знакомого лица, группа разбрелась по городу. Оставаться здесь, где они последний раз друг друга видели? Постояла несколько минут — Роман не появлялся. Нет, глупо так стоять. Они же собирались прогуляться. Наверное, он пошел дальше, думая, что она догонит. Тут просто негде заблудиться: прямая улица, с одной стороны — Кремль, с другой — монастырь!

Ирина решительно двинулась вперед. Но скоро оказалось, что всё не так просто: а вдруг Ромку занесло вот в этот магазинчик? а вдруг он заскочил вон в тот — попить? Опять жарница... А что, если зашел в эту маленькую церковь, где, кажется, идет служба — жаль, не видит Лена Берестов?

Но если проверять все магазины и церквушки, выпустишь из поля зрения улицу — и тут-то, по закону подлости, потерянный муж мимо и проскочит. А сколько еще вокруг переулков-закоулков, незаметных вначале!

Короче, прямая, как линейка, улица Ленина на деле оказалась большой ловушкой, да еще с многочисленными добавочными западнями. И большой — в смысле самом прямом: ноги у Ирины, и так уже выдержавшие полдня экскурсий, отваливались.

И зачем только они надумали гулять?! Лучше было посидеть где-нибудь в тени. И жара такая откуда навалилась? Ведь еще утром, когда она, проснувшись по инерции в семь, выглянула на балкон, зуб на зуб не попадал, пар шел изо рта. А теперь градусов тридцать!

До чего же хочется пить — и, решившись, она завернула в заманчивую полутемную прохладу не то магазинчика, не то кафе.

* * *

— БУДЕТЕ играть? Вон в тот лучше не надо.

Глаза, привыкшие к яркому свету, не сразу увидели Николая Берестова. Да, это он, в своей неизменной маечке с иноземными текстами и разноцветными кляксами. Что-то толкует про стоящие тут игровые автоматы.

Ирина неожиданно обрадовалась мальчишке — все-таки знакомое лицо в чужом городе!

— У нас в Белогорске такой в парке был одно время, — Ник указывал на странный аттракцион, похожий на мишень. — Не видели? Измеритель силы, в него надо бить кулаком, а вон там выскакивает цифра. Мой друг Макс так врезал, что два пальца сломал. Это уже потом обнаружилось, сначала было просто больно. Повезло, контрольную по алгебре не писал.

А ведь это игровой клуб. Ребенок подумал, что азартная тетя пришла поразвлечься.

— Ник, ты не видел Романа Григорьевича? Мы с ним, кажется, потерялись.

— Видел, — тут же ответил мальчишка, и сердце у Ирины радостно трепыхнулось.

Забыв купить воды, она выскочила на крыльцо — но у лотка с сувенирами, на который указывал Ник, никого не было.

— Он тут стоял — фляжку вертел, плоскую такую, металлическую, со звездой — я тоже такую присматривал. Но это было, когда я в автоматы заходил, минут семь уже

назад.

— Может, он дальше пошел? Надо поторопиться. — И запоздало поблагодарила: — Спасибо, что предупредил. Если когда-нибудь решусь измерить силу — буду лупить левой рукой.

— А не мог он сюда заглянуть? — Ник, поспешая за ней, показывал на еще один магазинчик, мимо которого Ирина почти промчалась.

— Да, действительно.

А сколько таких же она могла пропустить, пока неслась по улице?!

— А мобильник что, не отвечает?

Мальчишка продолжал говорить разумные вещи! Порозовевшая — конечно, от жары — Ирина вынуждена была объяснить, что ее мобильник остался у мужа, в кармане куртки. Она не любит ничего таскать, и никаких сумочек тоже, руки должны быть свободными. И ремешки типа ошейника, и цепочки на поясе, на которых может болтаться телефон, тоже терпеть не может. Как глупо...

Но Ник всё спрашивал, пытаясь найти способ ей помочь:

— А его номер вы помните? Могли бы с моего позвонить.

— Конечно, не помню.

Ирина понимала, как нелепо это выглядит, но заучивать вереницу цифр ей никогда и в голову не приходило. Всегда же можно на кнопку нажать.

— И свой номер тоже не помните?

— Тем более. Я же сама себе не звоню.

А мальчик уже созвонился с матерью:

— Мам, ты Романа не видела? Я тут Ирину встретил, они... разминулись. Если увидишь, позвони сразу мне. А номер руководительницы нашей мы не записывали?

Ирина поняла, что, кажется, остается самый нерациональный способ поисков — продолжать бегать по этой бесконечной улице, точнее, ползти — бегать она уже

не в силах. Ну, или вернуться к автобусу. Но впереди еще два свободных часа, и если Романа там не окажется — Ирина знала, что усидеть на месте будет еще сложнее.

Наконец она заметила, что мальчишка бодро шагает, опередив ее на пару шагов, заглядывая во все встречные «западни» и зорко посматривая на другую сторону улицы.

— Тебя, наверное, мама ждет? Ты иди уже, — спохватилась она.

— Мама устала, и я оставил ее сидеть в тени, — пояснил Ник. — Мы договорились, что я один погуляю.

— Как это она тебя отпустила, — вырвалось у Ирины.

Ник вскользь снисходительно улыбнулся, сохраняя вежливое выражение лица. Ирина смутилась — из них двоих потерялся, кажется, совсем не ребенок — а ее спутник как ни в чем не бывало пояснял:

— Я почти всегда один гуляю, когда мы куда-нибудь приезжаем. Мама любит ходить по музеям, а я — просто по городу. Интересно, когда всё не как у нас. К тому же она ходит медленно, с ней ничего не успеешь. Вы не волнуйтесь, мы не заблудимся.

— У тебя что, навигатор? Или компас с собой? Или своя система ориентации? — подозрительно спросила Ирина, оглядываясь — центральная улица казалась понятной, но стоило представить, что углубляешься в какой-нибудь из переулков — в голове сразу получалась каша, а вокруг — лабиринт. Вот так заберешься куда-нибудь — и останется только вывернуть одежду наизнанку и читать «Отче наш» — или нет, это, кажется, только в лесу помогает...

Ник пожал плечами.

— Я без системы. Я просто всегда чувствую, куда идти.

— Да тут же все домишки однотипные, и сплошные церкви!

Ник осмотрелся: все купола были разные, одни — шлемы, другие — луковки, третьи — язычки пламени, как будто много тоненьких свечек стоит. И дома разноцветные, каждый со своей физиономией, с разными окнами

и крылечками. Опять же — говорящие вывески, указатели.

— Что вы, здесь совсем не сложно ориентироваться. Я вокруг Кремля еще раз обошел, и по земляным валам, и к речке Каменке спускался.

— А вдруг он в Кремле, — неожиданно пришло в голову Ирине. — Когда нас там водили, он с таким аппетитом на эти валы поглядывал. Мы собирались сюда вернуться, если получится по времени. Может, он один пошел?

Звучало это неправдоподобно — Роман давным-давно должен был о ней забеспокоиться и, скорее всего, уже бегал в поисках, как и она. Какие там валы! Но Ник тут же откликнулся:

— Хорошо, что вы это запомнили. Надо проверить. Побудьте вот здесь, под деревом, а я сбегая — ладно? Так быстрее получится.

И убежал.

* * *

ИРИНА осталась в тени, недоумевая по поводу своей неожиданной беспомощности и в глубине души радуясь, что мальчишка ее не бросил. Одной пришлось бы куда труднее — Ник сделал за нее практически всю работу, проверяя места, где мог оказаться Роман — а ее сил едва хватало, чтобы просто тащиться следом. А вот он, кажется, и без нее справился бы с поисками, как Остап Бендер без Кисы, она его только тормозит — плетется, как мама.

Интересно, чего больше в его готовности помочь — симпатии к ней или просто желания помотаться по городу? Во всяком случае, приятно, что участие не вымученное. Даже какой-то азарт заметен — похоже, для мальчишки это поиски капитана Гранта.

И еще та пауза, когда он сообщал матери, что именно с ней случилось, и деликатное определение «разминувшись». Ведь слово выбирал, чтобы не обидно звучало!

Оказаться на попечении школяра! С ума сойти. Сказали бы — не поверила. Сколько ему лет? Пятнадцать,

наверное. А ведь Лена не намного старше ее! Наверное, родила его сразу после школы. Неожиданно для себя Ирина подсчитала: а если бы и она... ее сыну могло бы уже быть десять лет. Целый человек.

Что еще за глупости!

Вон, кажется, и Ник возвращается — в самом деле, быстро. И не запыхался, и с виду даже не устал — неужели жара не действует?

— В Кремле его нет, — доложил Ник, пристраиваясь в тени. — Куда бы нам дальше пойти, чтобы не промахнуться?

Он не обращался к ней, не советовался! Он размышлял сам с собой, прикидывая, как ей отыскать ее мужа! Ирина была почти уязвлена. Да нет, показалось — Ник поднял на нее глаза:

— А вы не помните — может, вы собирались пойти в какое-нибудь определенное место, и он вас там сейчас ждет? Много наших побежало в тот магазинчик сувениров, про который говорила руководительница — там будто бы что-то особенное, не ширпотреб.

— Нет-нет, никаких магазинов!

— Может, в какой-то дополнительный музей? Мама вечно еще куда-нибудь стремится. Сейчас на Покровский монастырь глаз положила, где всяких царевен заточали, а во Владимире все тащила меня на выставку хрусталя.

— Да нет, нам и обязательной программы хватило.

Вдруг раздались леденящие душу звуки, как будто с того света. Ирина вздрогнула, не сразу поняв, что это зазвонил мальчишкин мобильник. Ник кратко переговорил с матерью, справлявшейся, как у них дела.

— Это что, из «Секретных материалов» мелодия? — наконец узнала Ирина. — Кошмар. Мама не пугается, когда слышит?

— Что вы, — чистосердечно удивился Ник. — Мама со мной почти все серии смотрела.

— В самом деле? А я только одну — потом никак заснуть

не могла.

— Мама вообще-то тоже. Но потом ничего, привыкла. Она и музыку со мной иногда слушает, — с оттенком гордости прибавил он. — И рэп, когда я маленький был, и даже «Ленинград».

— А ты с мамой тоже слушаешь, что она любит? — Ирина глядела на Ника требовательно — отвечает ли он подвигом на подвиг. Он кивнул. — А что мама любит? — продолжался допрос, но уличить не удалось, потому что мальчишка ответил сразу:

— Шопена, особенно такой нежный вальс. И еще Моцарта. Когда я совсем маленький был, мама давала шоколадку, и я ее ел, и мы вместе слушали в кресле. Так что это такая сладкая музыка, даже когда на чьей-нибудь мобилке заиграет.

Следопыт уже передохнул и поднялся, хоть они еще не решили, куда направятся. И вдруг Ирину озарило:

— Мы оба жалели, что в городке деревянного зодчества до мельницы не дошли! Помнишь, нас заторопили в Спасо-Евфимиевский монастырь, колокольные звоны слушать.

Это было просто безумие — с тех пор, как она отлучилась за газетой, прошло уже больше часа, и Роман наверняка носится по Суздалию сломя голову. Где его не должно быть, так это как раз на мельнице. Но мальчишка оживился:

— Знаете, лучше проверить. Очень часто происходит как раз то, чего не может быть.

Ирина засомневалась, стоит ли делать такой крюк, и не разумнее ли все-таки вернуться к автобусу. Парень готов помогать ей и дальше — но совестно, да и бессмысленно таскать его по такой жаре. Конечно, надо возвращаться.

— Жаль только, что он сейчас напрасно переживает. Наверняка вообразил, что со мной что-то случилось. — Ирина сказала это вслух, и Ник тут же откликнулся:

— Да нисколько это не далеко. А хотите, пройдем

совсем короткой дорогой, через мостик, под горку?

— Ну, если под горку...

Покелебавшись, Ник протянул бутылку колы:

— Она, правда, немного отпитая. И согрелась уже.

* * *

К МЕЛЬНИЦЕ оба брели босиком по лужайке, почти уверенные, что Романа там нет.

— Зато проверили, — подытожил Ник.

Ирина теперь делала привал каждые пять минут: у колодца с большим колесом, у загончика с живыми гусями, у крестьянской избы восемнадцатого века.

— А я нашел туалет восемнадцатого века, представляете, — объявил мальчик. — Там, в кустах бузины, такая деревянная избушка. Мама всегда говорит, что когда куда-то приезжаешь, надо сразу найти буфет и туалет, чтобы ничего не мешало восприятию прекрасного.

Ирина была тронута такой заботой, даже больше, чем предложением утолить жажду. А ей-то казалось, что дети только отнимают силы, нюют, канючат, требуют внимания.

У входа в музей деревянного зодчества туристов поджидала птица-тройка. Подкатить сейчас к Роману в лакированной коляске, на орловских рысаках было бы совсем несуразно — но другого транспорта не наблюдалось, а Ирина понимала, что обратный путь пешком не одолеет.

Всё решилось проще — обнаружилось, что в кармане у нее только мелочь. Мобильник, кошелек, муж — всё было одинаково недосыгаемо. Но возит ли лихач в кредит?

— Лучше такси, — перехватил ее взгляд Николай. — Вон там, на спуске. Тут по городу недорого, я в путеводителе читал. Пойдемте, у меня хватит денег.

И Ирина не сомневалась, что отдать потом долг этому мужчине не получится — не возьмет!

Они вылезли у Гостиного двора, решив еще раз взглянуть на то место, где Ирина оставила Романа, прошли по галереям — но его не было ни там, ни поблизости.

— Тогда — к автобусу, — решил Ник. — Сколько на ваших?

Ирина развела руками, Ник взглянул на свои часы:

— Ого. Сбор через двадцать минут. Давайте втопим! А у вас и часов тоже нет?

— Ни денег, ни мобильного, ни часов, ни компаса, ни карты, — подтвердила Ирина, прибавляя шаг — ее подгоняла надежда, что Роман уже там, и все мытарства сейчас закончатся. — Вот так некоторые легкомысленные люди и пускаются в путь. Хорошо еще, что ты мне попался!

— Это как сказать, — возразил Ник. — Без меня бы вы, может, сразу к автобусу пошли, и так бы не устали. А вы и часы не любите носить? Маму будильник раздражает, он противно тикает. А ручные вроде не слышно.

— Я всегда снимаю часы в выходные и праздники, — объяснила Ирина. — И в отпуске тоже. Иначе я не отдыхаю.

— Совсем без часов? — не поверил Ник.

Он со своими никогда не расставался: спал в них, принимал душ, плавал, нырял, играл в футбол. Мама специально выбирала такие, какие можно ронять, топить, давить. Его часы были всегда исправным вечным двигателем, чтобы он всегда приходил вовремя — чтобы мама за него не волновалась.

— А зачем они на отдыхе? Когда ни встречи не назначены, ни к определенной минуте не надо успеть? Что ты, поесть забудешь или спать лечь?

Ник прикинул — не должен забыть.

— Даже если какой-то сериал смотришь или передачу, в нужное время сработает условный рефлекс — под ложечкой засосет, рука сама потянется к пульту. И главное, когда избавляешься от этого маленького диктатора, возникает абсолютное, ни с чем не сравнимое чувство свободы — никто не указывает, что и когда тебе делать. Так что снимай их иногда — заодно проверишь, осталось у тебя природное чувство времени, или без протеза не обойтись.

Да, это надо попробовать!

— А в дороге как же без часов? — не сдавался Ник.

— У Романа Григорьевича всегда можно узнать время — он, как ты, со своими часами никогда не расстается. Видел, какие они у него чудесные? Там и разные часовые пояса, и вечный календарь, и лунный, и барометр, и спидометр, и чего только нет — не обращал внимание?

И Ник почему-то понял, что Ирина, уже второй раз называя мужа по имени-отчеству, вовсе не дает ему понять, что иное обращение фамиллярно. Она для этого слишком взволнована.

Ник еще не забыл, какой холодной, высокомерной, говорящей сквозь зубы выглядела мадам Голубева совсем недавно — и ему были по душе ее неподдельное уважение к Роману, к которому он успел привязаться, и постоянная тревога о нем.

— Вы и кольца носить не любите? — словно невзначай поинтересовался он.

Ирина рассмеялась — наблюдательность следопыта была забавной. Зоркий Сокол, оказывается, изучает не только незнакомые города, но и живых незнакомцев!

— Я ношу обручальное кольцо, только ты не догадаешься, где.

Ник вытаращил глаза, вообразив какой-нибудь немислимый пирсинг. Ирина засмеялась еще громче:

— Да нет, это можно показывать, — и отвела прядь волос от уха. — Когда мы поженились, то оба любили играть в теннис, ходили в спортивный городок — студенческий, возле института, знаешь? Ну так вот, а мое кольцо не обтекаемое, а с острыми краями, и один раз я забыла его снять, и оно мне жутко изрезало палец. Видимо, я ракетку сильно сжимала. В пылу игры сразу не заметила, и вдруг взглянула — вся рука в крови, даже на землю капает. И я потом просто боялась его надевать, и придумала переделывать на серьгу. Вторую такую же заказала. А что, разве мы с Ромочкой не выглядим, как добропорядочные супруги? Мы что, похожи на любовников?

Но ответ на этот шуточный вопрос прозвучал неожиданно:

— Да, немного. Вы же вдвоем, без детей.

Ирина не нашла, что ответить, как вдруг сильный толчок чуть не опрокинул ее на тротуар — не извинившись и даже не оглянувшись, их обогнал здоровенный дядя в шортах и шлепанцах.

— Торопится человек, — с сарказмом заметила Ирина, едва удержавшаяся на ногах. — Ник, ты куда? Зачем?! Не надо!

Но ее молодой друг уже догнал обидчика и успел ему что-то сказать. Тот обернулся, но смотрел не на Ника, а на Ирину — он только сейчас заметил красотку и, кажется, в самом деле пожалел, что обошелся с ней невежливо.

Тут к нему подлетела такая же огромная жена в таких же шортах и потащила за собой — и скандала не последовало.

— Пожалуйста, впредь из-за меня кинг-конгов на дуэль не вызывай, — серьезно попросила Ирина.

— А я всё равно с ним расправлюсь, — жизнерадостно пообещал Ник, показывая ей мобильник — он успел сфотографировать здоровяка.

Багровая физиономия занимала весь экран. Ник, нажимая на кнопки, начал по-всякому ее искажать, раздувать и перекашивать — Ирина не смогла удержаться от смеха.

— А это — Чупакабра, — поделился Ник, показывая уже другое изображение, с которым проделал такие же манипуляции.

Ирина с трудом узнала одного из их попутчиков. Все-таки было что-то неестественное в том, как сторонилась Лена его ухаживаний — не как женщина, чье сердце уже занято, что при ее внешности было бы понятно, — а словно зверек, охраняющий свою территорию.

Но это лишь мелькнуло в голове, они подходили к автобусу, и интересоваться у мальчика, чем провинился сей персонаж, было некогда.

— А в теннис вы тоже с тех пор перестали играть? — вдруг спросил Ник.

— В теннис? Нет, — озадачилась Ирина. — Я и тогда не сдалась — замотала руку носовым платком — и всё, и доиграла.

— А вон и Роман! Видите? Под деревом, на лавочке!

* * *

*Боже! Как ты хороша подчас, далекая,
далекая дорога! Сколько раз, как
погибающий и тонущий, я хватался
за тебя, и ты всякий раз меня
великодушно выносила и спасала!*
Н. В. Гоголь

РОМАН вскочил — в конце улицы показалась Ирина. Она была не одна — рядом шагал Ник Берестов. Роман всмотрелся — Николай что-то ей показывал, и оба хохотали с беззаботным и явно довольным видом. Он сразу притормозил и, уже не торопясь, пошел навстречу.

Ну что ж, значит, всё в порядке, ничего особенного не произошло — сама потерялась, сама и нашлась. А он-то напридумывал всяких страхов, обежал полгорода, напугал руководительницу группы.

Сначала просто не верилось, что Ира может вот так пропасть в трех шагах — ну куда тут можно деться? К тому же она отдала ему и кошелек, и мобильник. А потом пришел в ужас: без денег, без телефона, без документов, в незнакомом городе!

Тут же вспомнилось, что Ирочка плохо переносит жару, один раз даже чуть в обморок не упала — в Москве, в парке, они катались вместе с друзьями на американских горках. А сейчас так палит — кто бы мог предположить в августе такую погоду.

И вместо того чтобы ждать у автобуса — куда Ирина в итоге и пришла! — Роман помчался на поиски.

Сначала в тот магазинчик безделушек, который им рас-пропагандировали — вдруг Ирочка захотела купить что-нибудь оригинальное. Она же любит дарить друзьям разные интересные штуки. Потом взял такси и медленно поездил взад-вперед по всей улице, внимательно глядя по сторонам — тоже безрезультатно.

Главное, они не успели построить определенные планы, и где она — ума не приложить. Вдруг в памяти всплыло: мельница в деревянном городке. Роман и туда сгонял на всякий случай.

Гуси за плетеной изгородью, призванные оживить старинный пейзаж, поглядели на него осуждающе: дурак ты, дурак, нет здесь никого, иди-ка ты отсюда. И он отправился к автобусу.

Выходит, зря волновался. Не учел, что его жена не из тех беспомощных клуш, кто разнюнится или впадет в истерику. Ирочка справится с любой ситуацией, сама не пропадет и другим не даст. Чтобы она — да оказалась в одиночестве? Всегда найдется кто-нибудь, кто почтет за честь ей помочь. Ее всегда развеселят, угостят, подвезут.

* * *

ЧТО Ж, ведь он мечтал именно о такой женщине, пресные домохозяйки никогда его не привлекали. Рома Голубев-жених прекрасно знал, что будущая жена не ограничится домом, садом и кухней, и никогда не обольщался тем, что к его пробуждению будет подаваться свежесжатый сок, а к возвращению с работы — домашний пирог из духовки.

Но ему нравилась их сумасбродная, вечно праздничная жизнь с неожиданными приходами гостей, спонтанными вылазками на природу, поездками в Москву «на свежий воздух». А как здорово было среди дня пересечься где-нибудь в городе и пообедать вместе в «Трех пескарях», слу-

шая, как Ира вздохнул сообщает о своих новостях, планах и достижениях! Ее задору и энергии не было предела, он ими подпитывался, и они были необходимы ему на обед куда больше пресловутого пирога.

Поиски достойной деятельности Роман тоже привык считать частью Ирины и относился к ним сочувственно, хотя заранее видел коммерческую несостоятельность многих затей. Собачья гостиница, районная филармония — обе незадачливые попытки превратить хобби в бизнес и должны были провалиться, но он готов терпеть убытки — главное, чтобы Ирина продолжала гореть, главное — видеть ее увлеченной и деятельной.

У многих есть слабости и чудачества: у кого-то — собирательство, у кого-то — гурманство или наряды, кто-то играет в казино, а кто-то — в гениальность. А его жена играет в бизнес-леди — это куда безобидней.

К тому же очередное начинание было уже не похоже на забаву, газета вышла на порог рентабельности, к ней и к ее редактору в деловых кругах относятся серьезно.

Что же постоянно так раздражает, если всё так хорошо? Ведь не сама Ирина! И ведь ничего не изменилось!

Или плохо как раз то, что ничего не меняется? Они словно застряли во времени и движутся не вперед, а по заколдованному кругу.

А может, дело не в ней, а в нем? Точнее, в том дежурном визите к двоюродному брату?

Игоряша был младше на несколько лет, и Роман, с детства привыкший относиться к нему снисходительно и чуть свысока, вдруг увидел этого раздолбая в солидной роли отца, ответственного за целое человеческое существо. Он так умело управлялся с этими хлипкими, крошечными ручками-ножками, на которые и глядеть-то страшно.

Роман сразу заметил, что брат не просто изменился, а неожиданно стал словно на порядок взрослее — и ощутил себя рядом с ним несерьезным пацаном. Взглянул на собственную семью другими глазами — и она, страшно

признаться, показалась какой-то игровой, ненастоящей. Вечно порхающие Голубевы, которые никогда не спешат домой.

А неподдельный ужас, с которым жена смотрела на новорожденного племянника, неприятно его удивил и даже напугал. И это — его Ирочка, нежная, милосердная, готовая обласкать каждого бездомного щенка!

Эрдель Джерри был, наоборот, взрослой собакой, брошенной на произвол судьбы на дачах — с поджатой лапой, слезящимися глазами, сильно истощенный. У милого забавного щеночка куда больше шансов найти хозяина или хоть подачку получить — а этому оставалось только умирать.

Роман перебирал в памяти всех знакомых и не находил никого, кроме своей Иры, способного взять домой такое существо. Он сам, пожалуй, побрезговал бы — уж очень пес был запущен. Ну, самое большее — покормил бы бродягу.

А она деятельно его отмывала, лечила, выхаживала, возила к ветеринару и собачьему парикмахеру — и это Ира, с ее знакомствами в столичных клубах собаководства, всем подряд помогавшая покупать элитных щенков, имеющая возможность выбрать себе самого что ни на есть, любой породы. Никто потом не узнавал в их ухоженном любимце полумертвую собачку-бомжика.

И та же самая Ирочка, отмывающая земляные собачьи лапы, решительно уничтожающая блох и бестрепетно борющаяся с глистами, смотрит на человеческое дитя и его пеленки с такой гадливостью! Как это совместить?!

А мальтийская болоночка Юля с трепетными печальными глазами! С этой собачьей гостиницей Иру постоянно надували и обжуливали. Собачка была всем хороша — умная, послушная, неприхотливая, вот только живот у нее начал расти, она оказалась беременна — а хозяин так и не появился. «Подлец! Он решил от нее отделаться», — возмущалась Ира.

Она так выкладывалась, так тряслась над питомцами,

узнавала каждого по голосу своим абсолютным слухом. Пожалуй, даже лишнего выкладывалась. Ее неизменные категоричность и требовательность были прежде всего требовательностью к себе.

Например, разыскивать этого «клиента» было бессмысленно, адрес он дал явно фальшивый — но Ира пошла — а вдруг он все-таки не подлец, вдруг с человеком что-то случилось. И Юля побежала вместе с ней через весь город со своим животом — по настоящему адресу. И привела к родной двери, рядом с которой легла и не хотела уходить, и которую им так и не открыли — хозяин отрекся от своей болонки изнутри.

И это прелестное создание тоже оказалось у них дома, и позволило себя облагодетельствовать, помыть и постричь, терпеливо снося лязганье ножниц за самыми ушами и у драгоценного живота.

Ирочка так трогательно готовилась к собачьим родам, консультировалась у ветеринара, уже ставшего другом семьи — но когда среди ночи примчалась со спиртом и ножницами, оказалось, что Юля и сама прекрасно со всем справилась. Шестеро пёстрых щенков потом целый месяц плакали по ночам у них на кухне, а Ира терпеливо носила их на руках, подкладывала грелку, варила кашку.

А спаниель Юкси, которого подсунули с фальшивой справкой! Через пару дней выяснилось, что он болен чумкой — у него отнялись ножки. «Куда его девать! — ужасалась Ира. — Он мне тут всех перезаразит!» Разумеется, она унесла Юкси домой, и все силы были брошены на борьбу за его здоровье, потом — на поиски достойного хозяина. Юлю с выводком она тоже умудрилась пристроить.

Роман всерьез предлагал переименовать в Собачью Гостиницу их многострадальный дом.

Никогда бы не подумал, что ей недостает теплоты, душевности, материнской сострадательности — казалось, что, напротив, их даже чересчур.

Но Игоряшины жена и теща смотрели на Ирину с недо-

умением — она не только не наклонилась к малышу, не попросила его поддержать — она ему даже не улыбнулась. В этом было что-то ненормальное — Роман понял это по тому, как дружно постарались хозяева замять неловкость.

Сказать об этом, конечно, было нельзя — Ира была бы только оскорблена. Но ведь они никогда и не обсуждали эту тему — не пора ли с мохнатых деток переключиться на собственных — это было чем-то само собой разумеющимся, но неопределенным, и неопределенность начинала беспокоить.

Однако прямым вопросом можно было только всё испортить, потому что мог прозвучать угрожающе однозначный ответ — Роман слишком хорошо знал характер Ирины и прямых вопросов остерегался.

А исподволь заведенные разговоры о будущем приводили к одному: его жене нужно только такое будущее, которое похоже на настоящее — с бурной деятельностью, друзьями, праздниками, поездками в Москву — и так по нескончаемому кругу, день за днем, год за годом — для нее это и есть жизнь.

Выходило, что собаки — собаками, но к материнскому самоотвержению Ирина не готова, и в четырех стенах просто не выдержит. А если она будет чувствовать себя несчастной, то ведь и он тоже — всё по тому же закону сообщающихся сосудов, который в их случае срабатывает неумолимо.

Но он же не этого хочет, а наоборот — чтобы их счастье стало более полным! Как же сделать, чтобы она это поняла? Навязывать что-либо бесполезно, ждать, когда, может быть, всё само образуется — бессмысленно.

Трезво просчитав вероятности, Роман увидел себя и жену в их большом доме вдвоем. Только вдвоем. Джерри умер год назад — хоть Ира и продлила ему жизнь своей любовью и заботой, он был уже в преклонных собачьих летах. Хозяйка всё еще по нему тосковала и была не готова

завести кого-то другого.

Кажется, Роман скоро начнет с тоской вспоминать те времена, когда их дом был не безмолвным заколдованным королевством, а лающей, скулящей и пищущей Собачьей Гостиницей.

Всё возвращалось к отправной точке: Ирине не нужно неполноценное существование в замкнутом домашнем мире. Ей нужен постоянный приток информации и впечатлений, неугасимый огонь, поддерживающий уверенность в том, что она талантлива, успешна, привлекательна — в том числе улыбки, комплименты и ухаживания поклонников от девяти до девяноста, которые автоматически появляются, где бы она ни оказалась.

Вот и этот мальчуган уже очарован.

Роман привык относиться к шлейфу Ириных поклонников как к почетному караулу, всё с той же спасительной иронией: ее обворожительность входила в список предметов его гордости.

Но отчего тогда опять наползает это непонятное раздражение? Они же на отдыхе, приехали от всего отвлечься — и он уже начал так хорошо отвлекаться! Ира права, сидеть на месте хуже всего — одолевают ненужные мысли, начинаешь заикливаться, теряешь объективность.

Например, в обеденный перерыв он часто садится за руль и просто едет куда-нибудь — иногда в реликтовую пельменную, где ничего не изменилось со времен его молодости, а если не хочется есть, произвольно гоняет вокруг города.

И дорога всегда прочищает мозги, успокаивает, выводит из ступора. После такого «обеда» легко решается какая-нибудь тупиковая проблема, над которой можно без толку просидеть весь день.

Поэтому Роман снисходительно относился к подчиненным, запаздывающим с обеда, если знал, что они в это время любят побродить по парку рядом с институтом. Со свежей головой быстро всё наверстают, а ценные идеи

появляются не только в кабинетах.

Почему же ненужные мысли одолевают теперь и в дороге? Ведь так быстро выветрились все заботы о новом заказе, о последних испытаниях, даже о ремонте гаража, которым он недавно заморочился! Точнее, из того клубка, где всё было вперемешку — заказ, испытания, гараж и Ирина — осталось только то, что оказалось действительно важным — Ирина.

Тогда почему — если уж быть честным — он сейчас рассердился, увидев ее, вместо того чтобы обрадоваться? Оттого, что она весела, а не расстроена? Оттого, что заставила поволноваться? Из-за такой ерунды?!

* * *

*Жить необязательно. Но плыть —
необходимо.*

Плутарх приписал Помпею

— С БЛАГОПОЛУЧНЫМ прибытием! Как раз к ужину.

Хладнокровный вид Романа возмутил Ирину до глубины души. Она мечется по чужому городу, ищет его, ее толкают всякие негодяи — и на помощь приходит кто угодно, кроме собственного мужа. А он и в ус не дует, в тенечке прохлаждается! Делает вид, что всё в порядке! Пользуется тем, что она никогда не устраивает сцен, и истерик у нее не бывает!

— Ну, наконец-то, — к ним приближалась Лена Берестова. — На экскурсиях всегда кто-нибудь отстает или теряется, к этому даже привыкаешь, но когда свои — совсем другое дело.

Однако, поймав перекрестные ледяные взгляды обоих Голубевых, она примолкла и поскорей увела Ника к автобусу.

Фу, как неловко, подумала Ирина. Надо было хоть спа-

сибо сказать — ее сын два часа с ней потерял. И что она так ополчилась на Романа? Что, было бы лучше, если бы навстречу выбежал Отелло и Бармалей в одном лице и затеял публичный скандал с допросами и обвинениями?

Неужели всё зашло так далеко, что ее может вывести из себя любой пустяк? Неужели она чуть ли не рада найти повод, чтобы сделать мужа виноватым? Надо остановиться. Они здесь совсем не для этого.

* * *

НО ЗА УЖИНОМ ровный, невозмутимый тон Романа — он один поддерживал беседу с Берестовыми — опять вывел Ирину из себя. Вот так у него всегда: главное — соблюдение внешних приличий, главное — благопристойно выглядеть, чтобы все любовались семейством Голубевых, в котором сплошная тишь, гладь, благодать.

А он, сама сдержанность и терпеливость, так ни о чем ее и не спросил. Они устраивались в гостинице, приводили себя в порядок к ужину, искали кафе, и всё это время ему было неинтересно, как же она потерялась и как нашлась.

Ирина привыкла думать, что за постоянной сдержанностью мужа прячется океан страстей, которым он управляет усилием воли. Но сейчас начало казаться, что нет никакой благородной сдержанности, и никакого океана нет, а хладнокровие — это в прямом смысле холодная кровь, бесчувственность, разновидность неполноценности, и ее любимый Ромочка — имитатор, умело изображающий то, что нормальные люди чувствуют — любовь и привязанность.

Вспомнилось, как давным-давно у них собрались друзья — Семёновы, Королёвы, Гусятниковы, — и кто-то принес волшебный альбом с трехмерными картинками. Тогда это была диковинка, и все тянули книжку к себе, и старались добиться размытого взгляда, чтобы увидеть, что же скрывается за обычным плоским изображением, и те, у кого не сразу получалось, по-всякому изощрались

и напрягались.

Ромке этот фокус долго не удавался, он шурился и так, и эдак — и только пожимал плечами. И вот уже все всё увидели, насытились новым развлечением и кинулись помогать отстающему — наперебой объясняли, как правильно глядеть, предлагали картинки полегче. Ирина тоже суетилась — и, наконец, к всеобщему облегчению, он увидел прозрачных птичек на зеленых деревьях.

Точнее, сказал, что увидел.

Сказал, возможно, из вежливости, потому что было уже неприлично не видеть того, что видят все — только сейчас пришло ей в голову.

А может, среди нас всегда живут люди, которые точно так же соглашаются с тем, что есть любовь, хотя сами не способны ее чувствовать — лишь потому, что это общепринято, и неловко отличаться от остальных. И повторяют за другими необходимые слова, копируют их эмоции — а сами вместо живой объемной картинки видят непроницаемую, непробиваемую плоскость!

А те, кому они дороги, простодушно не замечают изъяна, наполняя собственной любовью эти оболочки, пустую скорлупу — так же, как искренние сердца оживляют храмы-музеи и прочие средневековые декорации!

И среди этих живых мертвецов — ее Ромочка! Но, ощутив к имитаторам брезгливость, о нем Ирина подумала с неожиданной глубокой жалостью — что же ему остается, бедному, кроме как изображать — на пустом-то месте.

Сделанное открытие подкосило. Или она переутомила, и всё это — каша в голове? Но вот же он, сидит, неспешно делится с земляками впечатлениями от Суздаля и колокольных звонов, хотя звоны на самом деле меньше всего сейчас его интересуют. Нормальный человек давно бы не выдержал и кинулся ее расспрашивать. Или ему одинаково неинтересно и то, и другое?

И как дальше жить? Плыть по течению? Подыгрывать? Делать вид, что ничего не замечаешь? Довольствоваться

имитацией? Или из себя выпрыгивать, пытаясь изменить его природу?

Ирина опомнилась, заглянув в чашку с чаем и увидев там страдальческое лицо. Нет, это совсем никуда не годится. Элементарные приличия никто не отменял. А то и Ромка примолк, и получается, что они оба игнорируют своих терпеливых попутчиков.

Хотя тем и без них не скучно.

— ...А еще я купила вот эту собачку из можжевельника.

— Это скорее волк. Такой, из мультика — «щас спою»!

— А хвост-то вверх торчит. Значит, собачка.

— Мам, ты же уже купила из можжевельника и подставочку для кружки, и шарик какой-то, и можжевеловый валик!

— И собачка пусть будет. Мне запах нравится.

— А Чупака... ну, один из нашей группы, — понизив голос, — хвалился руководительнице, что отхватил обалденные сувениры. Свистулька и ножичек. Я слышал случайно. Ну, вытаскивает показать — ножичек сломался, а свистулька не свистит!

Ирина посмотрела на них с неожиданной завистью. Надо же, как захлеб они болтают, безо всякой кондовой родительской субординации, и даже слов не договаривают — им и так всё понятно. У мальчишки глаза блестят, а у матери — светятся, так мягко, так тепло.

Вот это — непритворное! Но неужели любовь — неразрывная, настоящая — возможна только между кровными родственниками? Неужели только и есть святого на свете, что мать и сын, дети и родители — а связь между мужьями и женами хрупка, непрочна и условна?

И значит, ей предстоит поистине вселенское одиночество без по-настоящему родной души?!

Переславль-Залесский

*Путешествия учат больше, чем что бы
то ни было. Иногда один день,
проведенный в других местах, дает
больше, чем десять лет жизни дома.
Анатолий Франс*

В ДОРОГЕ копать в себе просто некогда: время написано плотно, экскурсия за экскурсией, обилие впечатлений — и снова катит вперед желтый автобус с зеленой и оранжевой полосами — и вот они уже в чудесном Переславле-Залесском.

И если дома, в четырех стенах, логическая цепочка непременно привела бы к тому, что пора вешаться — то сейчас, по логике путешествия, следовало дивиться на утюги и чайники, любоваться очередными монастырями и неожиданно высокими земляными валами, на которые они теперь-то уж взобрались.

— Я еще в Суздале хотел, — признался Роман Ирине, — жаль, не успели.

— А я успел, — похвалился Ник.

Следопыт сегодня ходил вместе с ними. Лена Берестова в Переславле уже бывала, к тому же здесь жила ее подруга, которую она решила навестить, пропустив одну экскурсию, и после ботика Петра I исчезла.

Ирина предложила присмотреть за Ником, хотя никто ее не просил, и необходимости в этом никакой не было. По крайней мере, Роману так казалось. Мальчишка и так всё время рядом, чего за ним присматривать.

Вот только рядом почему-то уже с ней, а не с ним! Комедия. Стоило ему вчера на пару часов выйти из игры, как эти двое позабыли о нем и занялись друг другом.

Роман с недоверием наблюдал, как жена за обедом

и в автобусе опекает того самого мальчишку, на которого совсем недавно очевидно злилась, а тот воспринимает это как должное — и она тоже! Смотрительница в музее назвала ее «мамашей», а она даже не улыбнулась.

Да нет. Чтобы в Ирочке, шарахающейся при одном упоминании о детях, будь это даже ее бывшие ученики, да вдруг пробудилось подобие материнских чувств — и к кому? — к ершистому подростку! Слишком уж это диковинно. Женщинам положено млеть от пухленьких пупсов-младенцев.

Поит его газировкой на каждом шагу, велела купить ему в подарок фляжку со звездой на сувенирном развале. Ну что за экспансивный человек — так заиграться!

* * *

РАСТЯНУВШИЕСЯ по бесконечной крутой лестнице, туристы взбирались на самый верх колокольни Горицкого монастыря, на смотровую площадку, с которой видно и город, и Плещеево озеро, и дальние золотые купола.

Ирина остановилась на полпути — так высоко, что воздух кажется разреженным, а надо еще карабкаться дальше.

Ник притормозил.

— Устали?

— Да, немного передохну. Дух перехватило. Ты иди, иди — Роман Григорьевич уже там, впереди всех, на седьмом небе.

Но Нику было жалко оставлять ее одну, хоть и не терпелось забраться на самый верх. Он инстинктивно чувствовал, когда эта такая уверенная в себе, волевая женщина начинала нуждаться в поддержке — и после вчерашнего великодушия как было опять не подставить плечо.

Он и забыл уже, что Ирина не в его вкусе. Казалось, она всегда была ему симпатична, с ее особенным взглядом, требовательным и немного тревожным, с неожиданными резкими репликами и теперешним обращением — очень серьезным и дружеским.

К тому же Ник был обескуражен тем, что эти двое так старались найти друг друга — мама рассказала, что и Роман носился по Суздалю — и вдруг совершенно не обрадовались, когда наконец нашлись.

Может, Роман до сих пор сердится на Ирину, раз оставил ее здесь одну, на промежуточной площадке? И он, Ник, тоже сейчас возьмет и уйдет?

Нет, своих не бросают.

Ладно, здесь тоже высоко. И он свесился через каменное окошко, стараясь увидеть всё, что отсюда возможно увидеть.

— Ты куда! — Ирина поспешно вцепилась в его локоть. — А мне что потом — в футляр от мобильного складывать твои рожки да ножки — для мамы?

Ник засмеялся:

— Да я не упаду! Давайте, сяду на перила и ноги свешу вниз — а вы меня сфотографируйте моей мобилкой.

— Еще чего, — возмутилась Ирина. — Не вздумай! От этого зрелища от меня рожки-ножки останутся. Я не выношу высоты.

— Да ладно, — не поверил Ник. — По-моему, вы ничего не должны бояться, даже крыс и тараканов. И машину водите! И на воздушном шаре летали!

— Правда летала, — как будто удивилась Ирина. — Только очень давно.

Когда Роман стал исполнительным директором, было уже не до шаров, и годы побежали, и пришлось эту романтику забросить. А хорошо было!

— Ну, и тогда же вы не боялись?

— Тогда не боялась. Да я с детства ничего и никого не боялась, — возмутилась Ирина. И, помедлив, призналась, в том числе и себе самой: — А потом вдруг начали подкрадываться страхи — так незаметно, постепенно и подло! И этот тоже. Я еще в прошлом году обнаружила, что больше не выношу высоты. Когда на американских горках чуть не умерла. А раньше эти горки были сплошным

удовольствием, представляешь? Хорошо хоть Рома ничего не заметил, огорчился только, что я не пошла с ним потом на колесо обозрения.

Эта откровенность была внезапной — и откуда она выскочила? с какой такой чудовищной глубины? и кто ее туда загнал? — но раз возникшая, мысль продолжалась уже про себя, ее было не остановить.

Страх высоты — не самый главный из тех, что напознали с годами. Ее давно гложет еще одна подспудная боязнь: не справиться — с работой, со взятыми обязательствами — не потянуть, обмануть чьи-то ожидания, не вытянуть верхнюю ногу, не взять высоту.

Она непременно, всегда должна справиться, оправдать, вытянуть! И каждый новый жизненный успех как будто задирает планку еще выше — так, что уже голова кружится.

Начинает казаться, что ее на всё это не хватит — а значит, она будет недостаточно хороша — а значит, автоматически недостойна своих же собственных амбиций, и рассыплется вместе с ними, как карточный домик.

И панический страх иметь детей, пожалуй, оттуда же — будто бы уж это точно выше ее сил. Она, которая играючи делает то, на что другие не смеют и замахнуться, уверенно идет туда, не знаю куда и приносит то, не знаю что — и вдруг не справится с тем, с чем справляются все сплошь и рядом!

Но почему?! Почему всё вдруг оказывается вывернутым наизнанку? Ведь то, что она почти всегда выходила победителем, и настраивать ее должно победительно, а не наоборот!

По большому счету, она не просто успешна в жизни, а очень успешна — ее любит исключительный, лучший в мире мужчина, ее дело ей интересно и идет в гору.

Как же можно поддаваться этим изнаночным мыслям о несостоятельности, о том, что ей что-то не по плечу?

Что ж, по крайней мере, теперь она знает свои страхи в лицо.

И не только она.

Но следопыт ничего позорного в ее боязни высоты не увидел.

— Я тоже исследовал эту проблему, — заявил он и начал подробно рассказывать, как лазил на крышу четырнадцатизэтажки, чтобы укрепить волю.

И ведь не утешает — говорит деловито, с пониманием, как бы на равных, без той самой дистанции, точнее, пропасти, которая обычно бывает между разными мирами, взрослыми и детьми. Видно, что ему нравится быть со старшими на дружеской ноге — с понимающими старшими.

И в свою очередь — откровенность за откровенность — рассказывает Ирине о своем тайном страхе — остаться совсем одному. Ведь близкие люди постоянно и неумолимо исчезают. Сначала пропал папа, которого он, правда, толком не помнит, но точно помнит, что он был, потом пропал. Потом умерла бабушка, потом — дедушка, с которым он очень дружил.

Всё, что у него осталось — это мама, и маленький Ник всегда опасался, что и она куда-то пропадет, и тоже укреплял волю, даже готовился на всякий случай — как он будет один ходить по улицам, и вообще всё делать сам.

Надо же — каждый ищет способ победить свои страхи, например, сделать их маленькими и смешными — и Николай повествует обо всем этом с юмором, как о чем-то давнем, детском.

Но Ирина слушает очень внимательно, невольно вспоминая злые реплики о Чупакабре, так откровенно проявляющем интерес к Лене, и карикатурные манипуляции с его портретом.

Все видят ехидного зловредного подростка — а это тот же маленький мальчик, больше всего на свете боящийся, что мама исчезнет.

Как же эти страхи страшны, если они так живучи! Нет, они не застают врасплох — они гнездятся годами, вцепля-

ются, как пиявки, и исподволь вытягивают душу, изменяют ее, влияют на самое важное в жизни. И распознать их — еще не значит избавиться.

И возможно ли это вообще?!

Что тут будет правильнее — бежать к психоаналитику или, пожертвовав прической, самому вытаскивать себя из трясины по примеру барона Мюнхгаузена?

— Ну что же вы тут застряли? — Роман уже спускался. — Обзор и правда обалденный. Зря вверх не пошли! Много потеряли.

* * *

*Самая устойчивая повозка может
опрокинуться.
Дж. Хейвуд*

— НЕТ, ты просто скрытничаеть. Как это — нечего рассказать? Не верю. Не может такого быть. Красавица, умница, всегда на людях!

Варя Воробьева, похожая на цыганку, но нежно-белолицая, энергично встряхивала смоляными кудрями, не желая слушать Лениных оправданий.

Они были задушевными подругами еще в школе, и класса с пятого Лена привыкла выслушивать — строго по секрету! — все подробности Варенькиных сердечных увлечений. Жизнь ее была полна в первую очередь романами, по большей части жестокими — и уже потом будничными делами, учебой или работой.

И сейчас, в свои тридцать два, после двух разводов, Варенька оставалась прежней: те же очи черные — омут для неосторожных мужчин, тот же букет излиятий и жалоб, те же надежды на счастье. Она неутомимо продолжала его искать и просто не понимала, как можно отказаться от поисков.

— Подумаешь, не повезло с первого раза! А кто сказал, что обязательно должно было повезти? Не получилось в первый раз — надо выходить замуж во второй, не получилось во второй — надо выходить в третий, не получилось в третий — надо в четвертый, не получилось в четвертый.

Наверное, она могла бы продолжать до бесконечности — но Лена уже стояла на пороге, ей пора было бежать.

А так не хотелось оставлять милую наивную Вареньку и ее уютную квартирку с развешанными всюду колокольчиками и картинами хозяйки!

Они и подружились на школьной экскурсии, собирая осенние листья — Варя еще в первом классе любила составлять композиции из засушенных растений, еще не зная, что это называется флористикой.

А потом ее пейзажи из лепестков, листьев, стебельков и хвоинок даже на ВВЦ показывали. И, переживая очередное разочарование, Варенька всю душу, так и не понадобившуюся злодею-изменщику, вкладывала в свои лепестки, соломинки и обертки кукурузных початков.

Два часа пролетели незаметно — кажется, успели только новостями обменяться, и не посидели совсем, и столько осталось нерассказанного!

Даже на новые картины не хватило времени — Лена только и успела мимоходом взглянуть на еще не виденную «Пушкинскую осень». Туманный лес на горизонте при ближайшем рассмотрении оказывался капустными листьями, а вот из чего серебристое небо, не удалось рассмотреть — жалко!

Зато Варя во всех деталях пересказала свой последний роман и, получив положенную порцию сочувствия, накинулась на подругу, требуя взаимной откровенности.

— Да какие там амуры, ладно тебе, Варвара, — фыркнула Лена, открывая дверь и запутавшись головой в колокольчиках — маленькая Варенька подвесила их с учетом только собственного роста. — Работа просто пожирает вре-

мя, на сына-то ничего не остается — еле вырвала эти четыре дня.

Но всю дорогу до остановки Варя продолжала ее пилить и, уже посадив в автобус, кричала вдогонку:

— Нет уж, ты крест на себе не ставь! Нечего в старухи раньше времени записываться! Нельзя же всю оставшуюся жизнь зализывать старую рану и ждать от будущего только плохого! Ну, чего ты боишься?

— А ты лучше назад, домой перебирайся! — кричала в ответ Лена. — А то и поговорить по-человечески не можем. Заодно увидишь толпы белогорских женихов!

И Варенька, не разобрав, радовалась:

— Правда толпы? Тогда приеду!¹

* * *

ХОРОШО давать советы, когда ты свободна как ветер, думала Лена — детьми подруга пока не обзавелась. А когда есть, что терять и чем дорожить, когда есть, за кого бояться.

А чего она боится?

Вроде бы простой вопрос вертелся в голове, и Лена вдруг поняла, что боится очень многого.

Давно, еще в детстве, постоянно помнила о микробах и болезнях и старалась чаще мыть руки — мир просто кишел микробами, жизнь была опасной.

В людях тоже была скрытая угроза, и во многих! Лена боялась чужих недобрых взглядов — она безошибочно узнавала их за приторными улыбками пришельцев, рвущихся к отцу.

Многочисленные ухажеры видели в ней вовсе не ее, а дочку академика Берестова и собственные безоблачные перспективы — и она шарахалась от ухажеров. И была пра-

¹О Варе Воробьевой рассказывается в романе «Варя» («Девушка с букетом»).

ва, только недоглядела — муж оказался-таки ловцом и, вычерпав всё, что мог, из этого брака, исчез — и слава богу, что исчез. Бояться можно было только того, что он снова появится.

А с возрастом страхи и вовсе выросли, как снежный ком. Сначала — за родителей. Потом за будущее — сумеет ли она обеспечить его сыну. Потом — перед ситуациями, где она окажется бессильной защитить ребенка: она может заболеть, бизнес может рухнуть.

А невольный холодок по спине, когда приближается август: не припасли ли нам очередной обвал, вдруг снова обесценится вся предыдущая жизнь, и нас опять вынудят начинать с нуля?

А невольная тревога с приближением зимы: а вдруг отключат отопление, как в Приморье — и ничего не сможешь сделать, и опять придется, выбиваясь из сил, выживать, вместо того чтобы жить на перспективу? Ведь и от этого никто не застрахован! У Лены даже появилось понятие «пережить зиму» — такое пещерное.

Что же творится? Выходит, она все время живет как будто под нависшим топором — и страх перед болезнями, бедностью и смертью в итоге стал страхом перед жизнью?!

Как же с таким мировосприятием можно полноценно воспитать мальчика, будущего мужчину? Откуда в нем возьмутся уверенность, победительность, бойцовские качества?

На работе в Елене Берестовой привычно видят твердо-го, знающего руководителя, справляющегося с практическими любыми ситуациями — а что видит сын, когда она дома, расслабившись, превращается в замученную маму, с опасением смотрящую в будущее?

И неужели так значительны невзгоды и опасности, которых еще нет — и, может быть, не будет, — чтобы, стиснув зубы, быть в постоянной готовности к борьбе с ними, оставляя за бортом свою жизнь, свою молодость?

Может, взбалмошная Варька права, и она действительно-

но неправильно живет, привычно убеждая себя, что все прекрасно, что нет личной жизни — и не надо, зато есть любимая работа, любимый дом, друзья, книги, путешествия.

Радость вместо счастья — это правильно?

И действительно ли она предаст сына, если будет думать не только о нем?

Нет, первым попавшимся чупакабрам пока нечего радоваться. Но нечего и продолжать навешивать над собой «топоры»!

* * *

ЛЕНА не сразу заметила, что автобус, на котором она едет к гостинице, остановился, и уже достаточно давно. Варя жила в современной, многоэтажной части Переславля, но по всем расчетам уже пора было добраться до исторической. В чем дело?

Оказывается, впереди случилась авария, и они застряли в пробке. Только этого не хватало. Сегодня — последний день, отъезд в Москву через час — да нет, уже минут через сорок!

Что же делать? Не хватало опоздать! Запоздавших ждут, но не до бесконечности — а тут непонятно, когда же она доберется до гостиницы.

Ник, должно быть, уже беспокоится. Ведь надо еще успеть собрать вещи, сдать ключи. Сын этим никогда не занимался, он будет ждать ее. Неужели всё придется делать в последнюю минуту?

Но скоро она уже была рада оказаться в гостинице в последнюю минуту — только бы отказаться. Время бежало, а ситуация не прояснялась.

Даже позвонить нельзя — мобильный телефон остался в номере. Растяпа, а еще над Ирой Голубевой хихикала. Да и что бы она сказала — сынок, не волнуйся? — в то время как сама волнуется и не знает, что делать.

И Варе не позвонишь — узнать, как здесь вызвать так-

си. Да и как бы оно сюда подъехало?

И, по примеру нескольких пассажиров, Лена решила выйти из автобуса. Пройти немного пешком, миновать пробку — и там уже попытаться поймать машину.

* * *

*Разыскивая пропавшего верблюда,
бедуин оказывается в самых неожиданных
местах... и находит мудрость.
Из дневника путешественника*

РОМАН вышел на балкон и с удовольствием увидел то же самое вольное небо, которое только что окружало его на колокольне. И вышел затем, чтобы это проверить.

Оно! Такое он видел только из аэростата — свобода просто немыслимая. Ведь в шаре внутри, когда смотришь в него из корзины — пустота, и вокруг тебя — пустота, и паришь в абсолютной пустоте и абсолютной свободе. Потрясающе! А тут, не отрываясь от земли, такие же точно ощущения!

Помолодел лет на десять или даже пятнадцать — и вместе с ними, словно шелуха, слетели все заботы и надуманные трудности. Ну, что такого непреодолимого может быть у них, любящих, молодых, здоровых! Надо почаще выбираться в небо. Жаль, Ира не захотела подняться на верхнюю площадку.

На стоянку подкатил их желто-полосатый автобус, но пока никто с вещами не выходит, один Ник внизу болтается. Значит, можно не спешить.

Роман вернулся в номер, включил телевизор — сейчас где-нибудь должны быть новости, совсем он в путешествии отбился от привычного распорядка.

Ирина в ванной собрала зубные щетки, огляделась — не забыла ли чего — и вдруг опять раздалась эта свистящая,

тревожная музыка. Ну да — Рома щелкает пультом, и на каком-то канале, видимо, повторяют «Секретные материалы». Но сейчас эта мелодия не показалась ей жутковатой — это была любимая музыка мальчика Берестова, и было даже приятно ее слышать. А Моцарт — шоколадный!

Потом заговорила какая-то передача. Ирина расслышала, что современная медицина считает теперь подростками тех, кому аж до двадцати одного года, а в Германии детское пособие платят чуть ли не до двадцати семи. Сначала пожала плечами, потом засмеялась — значит, она сама всего год назад вышла из «детского» возраста.

Голубевы пораньше спустились к автобусу, забросили сумку в багажник — и тут заметили Ника на крыльце.

— Мамы всё нет, — объяснил он довольно мрачно. — Жду, жду.

* * *

ЖДАЛ он мужественно, хотя в голове давно уже начали бродить тревожные мысли. Конечно, мама ужасно любит болтать с этой своей Варей, но не могла же она заболтаться до того, чтобы забыть вернуться.

Неужели что-то случилось — с мамой, с которой никогда ничего не случается? Уже почти вся их группа вынесла свой багаж, и Голубевы пару раз осведомились, не появилась ли мама. А она не появилась. И что делать?

— А вещи у вас собраны? — спросила Ирина.

Ник уныло мотнул головой. Переглянувшись с мужем, она предложила:

— А ну-ка, пойдём соберём — а мама подъедет и обрадуется: всё готово, можно ехать.

Ник сам обрадовался, представив эту сцену, и поспешил в гостиницу. Ирина умеючи и очень быстро упаковала их вещи, и теперь уже она спрашивала, звонил ли он маме на мобильник. Он указал на тумбочку:

— Вон ее «пудреница». Забыла.

— А как позвонить этой подруге, ты знаешь? И где она живет?

Ник опять покачал головой — не запомнил, хотя мама несколько раз повторяла — но, честно говоря, он тогда и не слушал.

— А это что — тоже ваше?

Ирина вытащила из тумбочки пакет — в нем было несколько совершенно одинаковых маек очень знакомой пестрой расцветки: иностранные буквы и разноцветные кляксы. Три майки-близнеца, и еще одна на самом Николае — как раз по количеству дней поездки.

— Надо же, — удивился Ник. — А я думал, что она у меня одна. Я ее сам выбирал. А мама всегда ворчит, что майки надо менять, нельзя носить одну и ту же. А я другие не люблю. Выходит, она подсовывала, а я и не замечал!

Ирина улыбнулась, вспомнив, как преданно носит Ромка любимый синий свитер, вытянутый до неприличия — она вся изошла на красноречие, но уговорила только на работу его не надевать. А вот до клонирования любимых вещей не додумалась!

Роман ждал их у автобуса и, пока Ник отходил к багажнику, негромко сообщил Ирине:

— Говорят, на шоссе крупная авария. Как раз по дороге из нового микрорайона, откуда Лена должна ехать.

— Не говори ему пока ничего. Может, обойдется.

— Я предупредил нашу руководительницу, она сказала — минут на пятнадцать-двадцать можем задержать-ся. Да и не все еще собрались. Это всегда так.

Николай старался сохранять спокойствие изо всех сил. Все-таки Голубевы — друзья хоть и хорошие, но слишком уж недавние, почти чужие люди. Нельзя лишнего нагружать их своими проблемами.

Вон Роман и так уже побежал выяснять координаты этой Вари, зная только имя — Ник не помнил даже фамилию, знал только еще, что она работает в каком-то музее. И это следопыт, замечающий всё, что его не касается!

Но его никогда не интересовали мамины подруги и всё, с ними связанное... хотя получается, что это связанное с мамой его не интересовало?

Ник независимо прогуливался по площадке, откуда лучше всего было видно дорогу — он первым увидит знакомый голубой шарф, как только он появится! И оба мобильника в руках, свой и мамин — только бы она позволила, по любому!

Но время бежало, а мама не возвращалась.

Неужели это все-таки произошло? Неужели мама все-таки пропала, и он остался совсем один? Значит, то, что кажется самым страшным, рано или поздно происходит?!

Ник представил, как один возвращается домой, в пустые комнаты — это было что-то нереальное, он тут же отогнал эти мысли.

Вдруг его словно обожгло: и что это Чупакабры тоже всё нет и нет? А вдруг они заблудились где-нибудь вместе с мамой, и бродят вдвоем, как тогда он с Ириной?!

* * *

НЕВЕРОЯТНО, но Роман разыскал эту Варю — не так много оказалось в городе Варь — и дозвонился до нее, и она встревоженно ответила, что, конечно, болтали они с Леной до последнего, но та уже час, как села в автобус. Он обзвонил и больницы — и с облегчением узнал, что Берестовой нет в числе пострадавших.

Доложив об этом Ирине, Роман смотрел на нее вопросительно: что еще можно предпринять?

Ирина обдумывала информацию, одновременно осознавая: никто, даже она, не говорил ему, что делать — он сам делал именно то, что нужно в этот момент. Без болтовни и показных ахов, с чисто голубевской спокойной деловитостью. Звонил, заняв, и надолго, телефон администратора гостиницы, задавал вопросы персоналу и руководительнице их группы — и все готовно ему отвечали, приносили местный телефонный справочник, бегали куда-то

что-то узнавать, заглядывали в лицо — что еще нужно сделать?

Это был настоящий Ромка, такой, какой есть, не имитатор эмоций, а живой человек. Невозможно так изобразить тревогу о чужом ребенке! Кажется, стараясь избавить его от всяческих масок, она чуть было сама не надела на него еще одну.

И странно — несмотря на самый неподходящий момент, в ней переливался радостный Моцарт. И не примитивное треньканье мобилки — это было богатое старинное звучание: жильные струнные, натуральная, не хроматическая медь, старинные деревянные духовые с более низким строем...

Но время не терпит, надо определяться: почти все уже сели в автобус, скоро он тронется и, возможно, без Лены. С минуту Голубевы смотрели друг на друга без слов. Формальная ответственность за мальчика неожиданно стала настоящей.

— Мы никуда не поедem, пока не выясним, что с ней, — твердо сказала Ирина.

Роман кивнул. Потом поднял бровь:

— А если?..

— Поедет к нам, — сказала Ирина еще тверже, не допуская никаких возражений — не только Романовых, вообще ничьих. — Пока не объявятся какие-нибудь родственники.

Роман опять кивнул — с облегчением — теперь, когда определено, как быть, всё стало как будто проще. Еще раз переглянувшись и без слов поняв, что делать дальше, они подошли к Николаю. Тот немного оживился, узнав, что хотя бы Варя нашлась.

— Ник, мама могла застрять в пробке, и, возможно, опоздает к отъезду, — решительно начала Ирина. Роман глянул встревоженно: надо ли так напрямую всё выкладывать? — Давай сделаем так: сядем в автобус вместе со всеми, будем ждать до последнего, а если мама все-таки не успевает — вылезем, назад в гостиницу — и за дело,

начинаем ее искать.

Ник кивнул и заметно ободрился. Значит, она знает, что говорит, успокоившись, подумал Роман. Он, конечно, и не ждал, что мальчишка разнюнится — но ситуация всё же нештатная.

Ник не мог сейчас думать ни о чем, кроме мамы — казалось, что если он ни на миг не выпустит ее из мыслей, между ними будет явно ощущаемая ниточка, и можно потихоньку маму за нее подтягивать, подтягивать к себе...

А Ирина расспрашивала его как раз о маме, о том, как у них обычно проходит день, удастся ли вместе завтракать и обедать, рано ли мама уезжает на работу, водит ли сама машину. И получалось, что вся их привычная жизнь, о которой он рассказывал, и дальше пойдет так же — иначе и не может быть!

— А ты у нее на работе бываешь? Часто? Тебе там интересно? И сам там подрабатываешь, наверное?

Ник, оживляясь, объяснял, что любит и питомник, и парк, но подработки всегда старается находить в других местах. Во-первых, потому, что работать у мамы — это как-то не по-настоящему, а во-вторых — копошиться с растениями, всё время на одном месте — не в его характере.

— А хочешь у меня поработать? Разносить свежие номера по почтовым ящикам? Раз в неделю, — предложила Ирина.

— В газете работать? Круто!

— Как раз не на одном месте сидеть — пригодятся твои быстрые ноги.

— Еще вообще-то нужно город знать хорошо, — добавил Роман.

Ирина при этих словах только улыбнулась, а Ник прищурился:

— А вы — знаете? Что, очень хорошо? А где, например, улица Пушечная Гора?

Роман задумался.

— А еще коренной белогорец, — поддела жена.

— А есть такая улица?

Оказалось, что есть — где-то на окраине, состоящая из трех древних деревянных домишек.

— Так, значит, туда нога человеческая пока не ступала? — уточнил Роман. — И жители целой улицы были лишены «Белогорских вестей»? Нехорошо, нехорошо. Несправедливо. Ну, Ник, считай, что принят на работу. Только учти: Ирина — руководитель строгий, чуть что — выгоняет.

— Ну, если кто-то заслужил, — рассудительно возразил Ник. — На то и начальник, чтобы выгонять.

— А твоя мама — тоже строгий начальник? — осведомился Роман, тоже стараясь отвлечь его от тревожных мыслей.

Ник пожал плечами.

— Наверно, нет. Да там все такие же, как она, на работе помешаны. Мама говорит, что их надо не подгонять, а останавливать.

— Это особое умение — собрать такую команду, — серьезно заметила Ирина.

— Она еще говорила про журавлей, — вспомнил Ник, — что они не для красоты летят клином. И самые сильные птицы всегда впереди не для того, чтобы показать, что они сильнее — а от взмахов их крыльев по закону аэродинамики появляется воздушная волна, которая поддерживает остальных. Так что задача сильных — направлять и поддерживать.

Ниточка не прерывалась, они вместе продолжали ее подтягивать. Роман незаметно посматривал на часы. Истекли последние, запасные пятнадцать минут.

А Ира расспрашивает Ника, берет ли Лена летом отпуска, и как они их обычно проводят — и мальчишка, совсем уже выйдя из ступора, увлеченно перечисляет, где они побывали.

— Так мама никогда от тебя не отдыхает? Вы всегда вместе, и в будни, и в выходные, и в отпуске?

Ник озадачился: а разве от него надо отдыхать? Разве

от него можно устать? И, подумав, честно ответил сам себе: можно. А получается, что вся мамина жизнь вертится вокруг него, как вокруг солнышка — она ведь его так и называет. Поневоле стало неловко за недавние подозрения.

Запел мобильник! Ник схватил его — и не сразу понял, что сообщение не от мамы, а от подружки. Марина спрашивала, как ему путешествуется, и радовалась, что сегодня он уже будет дома.

Но всё это было из другой жизни, Ник даже не стал отвечать. А ведь незаметно ходил за ней хвостом целый месяц, и так радовался, когда они наконец познакомились! Нисколько не обрадоваться эсэмэске от Марины, которая для него... Ну, как Ирина для Романа.

Ник взглянул на своих взрослых друзей — как же они друг другу подходят. Сразу бросается в глаза. Даже смотрят сейчас на него одинаково. А с какой теплотой Роман глядит на Ирину, даже когда она этого не видит, и как Ирина тогда, в Суздале, беспокоилась за Романа — о том, что он за нее беспокоится! Им не хватает, условно говоря, только своего Ника, но они же вроде считаются молодыми...

Тогда маме, по той же логике, не хватает своего Романа, который бы так же открывал перед ней дверь, носил ее зонтик. Ну, дверь и зонтик он и сам прекрасно может!

И всё же, несмотря на непроходящее волнение и на необычность этих новых мыслей, Ник озадачился. Всё он да он! Получается несправедливо, как-то по-собственному.

Вот мама, похоже, догадывается о Марине, но виду не подает, с расспросами не лезет. А если бы она вдруг начала над ней насмехаться, как он над Чупакаброй?!

Тут же вспыхнувшее возмущение совсем его доконало: а сам-то, а сам! Хорошо устроился! Всем можно быть счастливыми, только маме нельзя!

И, глядя то на часы, то на дорогу, Ник думал уже с отчаянием: пусть мама появится с Чупакаброй, только бы при-

шла! Только бы успела!

— Ник, а что, если нам припугнуть судьбу? Давай залезем в автобус, — предложила Ирина очень мягко — Роман, пожалуй, даже и не слышал такого ее голоса.

Ник посмотрел на часы — истекли все сроки.

— Ведь очень часто происходит как раз то, чего не может быть, — напомнила она.

— Вы верите, что мама вернется? — он глядел на нее не мигая.

— Но ведь и ты веришь, — спокойно ответила она.

— Это разве что каким-то чудом, — вставила руководительница группы, которая тоже волновалась, по-своему — ей пора было везти людей в Москву. Сорок человек. Ну, почти сорок.

А Роман подмигнул:

— В России кто не верит в чудо — тот не реалист.

И они полезли в автобус.

* * *

КРУТО вывернув, на стоянку въехало такси. Из него выскочила Лена.

— Вот видишь, ты для нее — самый любимый мужчина, — совсем тихо сказала Ирина Николаю.

А с другой стороны вприпрыжку подбегал Чупаненко с гигантской деревянной палицей на плече, на которую невозможно было смотреть без улыбки.

— Ну что же вы! — накинулась руководительница, избрав козлом отпущения именно его. — Нельзя же так! Все ждут, а вы до последней минуты за сувенирами...

Роман вытянул шею — что такое Ира сказала мальчишке, отчего он прямо расцвел? Мать он и без нее успел увидеть.

А от гостиницы бежала горничная:

— Подождите! Голубевы, подождите! Вы в номере книжку оставили!

— Но я же ее действительно забыл, — изумился Роман,

с недоверием глядя на кладезь мудрости — кажется, он и впрямь волшебным непотопляем. — Я вообще о ней забыл. Не до нее было.

— Вообще-то это я ее оставила, — созналась Ирина. — Когда вещи собирала, нарочно, на столе. Хотела включить-ся в вашу игру.

Переславль-Залесский — Москва

*Путешествие как самая великая
и серьезная наука помогает нам вновь
обрести себя.
Альбер Камю*

— А У МЕНЯ всё в порядке, — отрапортовал Николай матери, выслушав ее рассказ о дорожном приключении. — За Ириной присмотрел, вещи — в сумке, ключ от номера сдали.

И как ни в чем не бывало начал наступивать на мобильнике ответную эсэмэску подружке.

Лена, отзвонив встревоженной Варе, с облегчением откинулась на спинку кресла. Какое наслаждение — просто спокойно ехать и смотреть в окно! По небу вслед за их автобусом тянулся широкий размытый путь от самолета, со множеством параллельных перепутанных «тропинок» по обеим сторонам — прямо как левитановская «Владимирка». А в вершинах деревьев то и дело чудились купола и монастырские башенки. Вот и завершается путешествие, а образы старины всё бегут следом!

Ник, кратко выразив свои путевые впечатления, о которых спрашивала Марина, выражением «супер», тоже смотрел в окно. Поездка закончилась так быстро — а сколько впечатлений заслонило и банальной усталостью, и —

потом — тревогой за маму! Он пытался наверстать и хотя бы мысленно разглядеть старину в пролетающем пейзаже. Ведь это та же самая земля, которую видели их предки тысячу лет назад. Но опять вспомнил о культурном слое. А ручейки и речки могли ведь пересохнуть или поменять русло, и новые деревья нарасти в новых местах. Выходит, всё другое? Земля изменилась. Он переключился на небо — вот оно прежнее, за вычетом проводов, самолетов и дирижаблей — и успокоился. Земля была настоящей, и старина — не фальшивой, и между ними и теми русскими, смотревшими в то же самое небо, тянулась такая же ниточка, как между мамой и ним.

Голубевы, порядком перенервничав, спали друг у друга на плече. Первым отключился Роман, а Ирина еще какое-то время любовалась воссоединенными матерью и сыном. В висках наконец перестала биться напряженная оглушающая музыка Хольста — порывистый грозный «Марс» из сюиты «Планеты». Вместо него из дальних закоулков памяти вынырнуло пасторальное григовское «Утро», в котором Ирина раньше, в отличие от остальных, слышала только глубокое страдание и потому не любила — а теперь оно неожиданно зазвучало тихой незатейливой радостью, почти умилением. «Григ — это опять такой штамп», — автоматически отметила она, а потом вдруг решила: ну и пусть, борьба с клише только порождает новые клише — и слушала свирель, пока та пела. А потом, без паузы, грянула мультяшная песенка о лете — совсем уж издалека, из детства — разноцветный автобус, Дед Мороз в тележке с мороженым, «лето — это хорошо!».

Под этот хор Ирина, улыбаясь, и уснула, и разбудил ее голос руководительницы, объявлявшей остановку — «гигиеническую», как она выражалась.

* * *

— ВОТ они, прелести подобных путешествий. По пути во Владимир был хотя бы теремок с юмористическим

названием «Сказка», — возмущалась Ирина. — А здесь — только лес. Безобразие!

Миролюбиво настроенная Лена махнула рукой:

— Пустяки. Дело житейское. Зато есть возможность погулять минут десять–пятнадцать.

— Когда же я научусь так же философски относиться к жизни? — пожаловалась Ирина.

— Да вот так всю дорогу и придется учиться, — засмеялась Лена. — И даже не скажешь — до седых волос, потому что они, к сожалению, уже появились. Знаете, а меня в свое время Николай примирил с этой жизнью — грязной и абсурдной. Такой она виделась — в юности я была очень критична. Однажды — ему уже был год — мы с подругой выбрались в видеосалон — помните, как они тогда расплодились. И вот на первых рядах сидит куча подростков — ржут, как лошади, фильм заглушают, ноги в грязных кроссовках задирают, косматыми башками заслоняют экран. И я привычно и очень законно возмущалась. А потом вспомнила своего сынику и вдруг подумала, что и они — чьи-то сыновья, и мир уже не был отталкивающим и чужим — в нем были наши сыновья, наши дети. И все его несовершенства отошли на какой-то задний план, и я с ним как будто по-настоящему породнилась.

— Ну, ваш Николай — человек особенный, — серьезно сказала Ирина. — Наверное, надо очень хотеть ребенка, чтобы он таким получился.

— Да что вы, — беспечно рассмеялась Лена, присаживаясь на лесную лавочку-бревно под деревянным мухомором. — Это бабушки-дедушки страстно мечтали о внуке. А мне было девятнадцать лет, и я была увлечена учебой и своей молодой жизнью. Если честно, пеленки-погремушки меня тогда нисколько не интересовали.

— Да что вы? — оживилась Ирина.

— И я, грешным делом, подумала: ну, рожу им внука, раз уж так хотят — и пусть занимаются, — рассказывала Лена так же весело. — А потом вдруг оказалась такой

наседкой! Да и нянчить стало некому. Да и на самом деле всё не так уж обременительно и ужасно. Я даже академический отпуск не брала. Единственное, что в самом деле показалось тяжело — доаживать последние месяцы. Я тогда думала, как Катерина в «Грозе»: почему люди не летают, как птицы? Тогда бы можно было просто снести яйцо!

Ирина фыркнула, а Лена заторопилась с аргументами:

— Нет, вы представьте: о нем можно было бы заботиться, возить в особой колясочке, в каком-нибудь инкубаторе согреть — а женщины могли бы и другими делами заниматься, и всем хорошо... Николай, ты здесь давно?

— Да вы продолжайте, — милостиво позволил Ник, нависая над спинкой скамейки. — Не бойтесь, мне не повредит. Я знаю, что детей приносит аист. Только думал, что не яйцо, а сразу готовых.

И Лена продолжала, как любая мама, которая может рассказывать о собственных детях без удержу:

— Вот только сюсюкать у меня не получалось. Представляете, в роддоме, в палате, еще четыре женщины, и все своим младенцам что-то лепечут, соловьями заливаются — а у меня нет никаких слов, и всё тут. Разглядываю его молча: пеленки казенные, застиранные, платочек такой сиротский, снаружи один нос торчит, остальное внутри — а развернуть боюсь, вдруг назад завернуть не получится...

Ирина слушала с настороженным интересом, а Ник возмутился:

— Какой еще платок! И когда же ты меня полюбила?

— Да в тот же день. Я позже всех возвращалась от врача, а детишек уже разнесли по палатам. И одна из женщин взяла тебя на руки и начала качать: «Какой плотненький! Какой тяжеленький!» Еще немного — и грудью начнет кормить! Тебя — моего?! Я вхожу из полутемного коридора, напротив — солнечное окно, так даже в глазах потемнело — моё взяли! Ревность жуткая! — И улыбнулась сыну: — Наверное, это у нас семейное качество —

и по наследству передается.

Ник круто развернулся и побежал к автобусу.

— Пойдемте уже! Пора!

А Лена безо всякого перехода обратилась к Ирине:

— Собираюсь сменить гардероб — да и прическу, пожалуйста. Может, дадите мне пару советов? А то, боюсь, я отстала от жизни — на работе вечно в кроссовках-вездеходах и в шляпе, как натуралист Любимцев...

— Шарф голубой, путевой — оставляем, — тут же начала прикидывать Ирина. — А остальное... Давайте-ка сейчас сядем вместе, а мужчин погрузим назад.

* * *

ПРОСНУВШИЙСЯ Роман с удивлением увидел рядом с собой спящего Ника — Ирина сидела с Леной Берестовой и, оседлав своего конька, обсуждала тряпичную тему. Прислушался с немного грустной улыбкой: только ему показалось, что жена умеет находить общий язык не исключительно с собаками, как увлечение большим ребенком, очевидно, благополучно прошло, уступив место вещам действительно важным — что можно сделать со своим отражением в зеркале.

— Уже Москва? — Ник очнулся и захлопал глазами. — Ну, вот так всегда — опять всё кончилось! Мам, а когда мы еще куда-нибудь поедем? И куда?

— Давай сначала все-таки приедем, а потом уже подумаем, — предложила Лена.

— А почему нельзя наоборот?

— А ты куда бы хотел? — спросил Роман.

Ник пожал плечами.

— Я вот тут думал... Всё, на что возят смотреть — старина. А сейчас что, ничего не строят стоящего?

— Золотое кольцо отпадает — старина приелась, — прокомментировал Роман.

— По-моему, Николай имел в виду совсем не это, — вступила Ирина, — а то, чего же стоит наше время с его

накопленным опытом и высокими технологиями.

— Ну да, — подхватил Ник, — по Кольцу мы еще покатаемся. Но только напрасно, что ли, прошли целые столетия? Если мы ездим восхищаться только старыми развалинами?

— Можно современными, — флегматично отозвался Роман. — Или аквапарк уже разгребли?

— Не юродствуй, — строго сказала Ирина. — В Москве много всего — Ник, ты видел дом-яйцо? А дом-самолет? А дом с перевернутой крышей? Есть же всякие архитектурные чудеса сравнительно недавнего времени, которые и в Книгу рекордов России вошли, и в Книгу Гиннеса. А еще в начале сентября будет выставка современной ландшафтной скульптуры — прямо на траве. Очень впечатляюще! Мы могли бы вместе поехать, посмотреть, что интересного делают сейчас.

— Точно, — обрадовался Роман. — По-моему, у нас отличная команда. В Москву обязательно вместе махнем. А если подальше куда-нибудь — поехали в следующий раз на русский Север? Я всю жизнь собирался.

— Я так всегда хотела попасть в Чухлому, — отозвалась Лена.

— А она где? Не в сказках разве?

— Да есть настоящая, неподалеку от Галича. И там всё деревянное!

— Поедем и туда, и туда. Только сначала — дом-самолет, — предупредил Ник.

— А я бы еще вернулась в Боголюбово. Вы не забыли, что мы с Леной так и не увидели Покрова на Нерли?

— Да-да, обязательно вернемся!

— А я хотел бы как-нибудь еще разок пройти по Суздалю — не торопясь, с удовольствием, — ввернул Роман.

— Захвати меня — я там все-таки куплю газету, — добавила Ирина.

— А я долезу до самого верха колокольни в Горлицком монастыре! — сквозь общий смех выкрикнул Ник.

* * *

ПОДЪЕХАЛИ к Красным Воротам, откуда начиналось путешествие.

— В метро, Ирочка? — улыбаясь одними глазами, спросил Роман.

Немного покрасневшая Ирина отвечала:

— Давайте на такси вчетвером, — на что Лена отреагировала неожиданно активно:

— Отличная мысль! А то Николай, когда мы сюда ехали, застрял на «Комсомольской» станции — окаменелости в мраморной облицовке надо было разглядеть именно в тот момент. Вы представляете, выехать на метро за час — и чуть не опоздать на автобус! Да нет, нормальные люди такого и представить не смогут.

— Мы — сможем, — возразила Ирина с достоинством.

А Роман заинтересовался:

— Где это ты там нашел окаменелости?

* * *

— ЭЙ, ПОГОДИТЕ! Девушка, девушка! Молодой человек! Или вы, мужчина! Кто на задних местах сидел?

Их лимонно-полосатый автобус еще не уехал, водитель махал рукой — неужели им? Пришлось вернуться.

— Я всегда в конце поездки проверяю — обязательно что-нибудь да забудут. Особенно часто — зонты, — с гордостью говорил водитель, вручая девушке из их группы зеленый зонтик, служивший Роману постоянным ориентиром, а самому Роману — конечно, энциклопедию мудрости! — Такая книжка ценная. Наоставляют вещей, а потом звонят в турфирму, время тратят. Нет, чтобы сразу проверить как следует!

Белогорск

— КТО-ТО заходил? — спросила Ирина, выходя из ванной. — Я слышала голоса. Мы же только в дом вошли — неужели по нам так скучают?

— Да это Гусятниковы, деньги занимать. Я дал и сразу спровадил, а то они еще последние сплетни хотели начать пересказывать.

— Новости, — уточнила Ирина, доставая напольные весы.

— Ну да. И еще — ты не поверишь, но я таки избавился от мудрости — отдал им заколдованную книжку.

Гусятниковы были их соседи, знаменитые тем, что у всех брали книжки — и не возвращали, а еще без конца занимали до зарплаты — правда, уже с отдачей.

— Сами увидели на тумбочке в прихожей — дай почитать! Вот посмотрим, чем это кончится.

— Теперь будем обходиться собственной мудростью — заодно проверим, густо ли ее. Ты только посмотри! Тоже не поверишь! Путешествия — это круто, как сказал бы наш друг Ник. Я сбросила два килограмма! Нет, сам убедись — и на этих весах, и на электронных!

Электронные были куплены после истории с лишним килограммом.

— Не волнуйся, — сказал Роман. — Я останусь с тобой в богатстве и бедности, в здравии и болезни...

— ...с толстой и худой, — подсказала жена, он без улыбки продолжил:

— С серьезной и взбалмошной... — И завершил неожиданно: — И даже если мы всегда будем только вдвоем.

— Ну почему же? — незамедлительно откликнулась Ирина. — Я же отважусь, в конце концов, завести — симпатичного мальчишку, например...

— Даже если он не сразу будет синеглазым брюнетом четырнадцати лет? — поддел Роман, но Ирина мужествен-

но парировала:

— Думаю, я и это могу осилить.

Оглавление

Белогорск — Москва	3
Москва — Сергиев Посад	5
Сергиев Посад	11
Сергиев Посад — Владимир	20
Владимир	28
Владимир — Боголюбovo	33
Владимир	47
Суздаль	61
Переславль-Залесский	84
Переславль-Залесский — Москва	103
Белогорск	110

Татьяна Краснова

Ирина и Лена
серия «Знакомые лица»